

Звезды Из непра

ТОРИЯ ДРИМ

Тория Дрим

Звезды из пепла

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444775

Звезды из пепла: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-157591-5

Аннотация

Они не могли и подумать, что станут спасением друг для друга. Трестен – из серой Атланты, а Бридли – из солнечного Салоу. Она вместе с братом пытается остановить развод родителей, а он узнает, что на самом деле приемный сын. С целью найти родную маму Трестен оказывается на пороге семьи Бридли. А Бридли с разрушенной мечтой и ночными кошмарами открывает ему дверь в свой дом, похожий на золотую клетку. Между ними рождается необъяснимое влечение, которое может разрушить чужие жизни. И только одна легенда о звездах способна расставить все по местам.

Содержание

Глава 1. Я обещаю	5
Глава 2. Я имел право знать	15
Глава 3. Нужен выход	24
Глава 4. Это наш шанс!	35
Глава 5. Я потерялся, мам	45
Глава 6. В поисках потерянного счастья	54
Глава 7. Частичка моего американского сердца	61
Глава 8. Я должна тебе рассказать	72
Глава 9. Ну, привет	86
Глава 10. Один страх на двоих	96
Глава 11. Одинокий волк	107
Глава 12. Второй шанс?	118
Глава 13. Рана совести	127
Глава 14. И так красивая	137
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Тория Дрим

Звезды из пепла

Посвящается всем, кто не дал мне бросить эту историю.

Добро творит удивительные вещи.

Copyright © Тория Дрим, текст, 2023

© Садыгова Раиса, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Я обещаю

В жизни каждого человека бывают минуты, когда для него как будто бы рушится мир.

Это называется отчаянием. Душа в этот час полна падающих звезд.

Виктор Гюго

США, Атланта
Трестен Райд

Злость, подобно искрящейся лаве, разливается по венам.

Хочу разорвать висящую в центре ринга грушу. Словно загнанный зверь, я мечусь на маленьком отрезке пространства в поисках жертвы. Вот только жертва живет не вне, а внутри меня самого. Пожирает все светлое и заполняет пустоты тьмой.

Ощущаю боль в костяшках и плечах, но не перестаю двигаться. В который раз отчаянно бью правой рукой набитый опилками кусок красной кожи.

Удар.

Еще один.

Разгоняюсь до такой скорости, что груша задевает границы ринга. Эти попытки избавиться от гнетущего чувства в груди тщетны. Мышцы сводит от усталости, но я пересиливаю себя и двигаюсь резче, будто выталкивая из легких всю боль этими нагрузками. Пот застилает глаза. И когда в них темнеет, я решаю, что на сегодня хватит. Хватаюсь за веревку в углу и почти на ощупь нахожу выход с ринга.

– Эй, Райд! – Бакстер окликает меня. Не оборачиваясь, я продолжаю идти вперед, гадая, чего он хочет. – Ты уже месяц как сам не свой. Кто тебя так разозлил?

Я позволяю усмешке сорваться с губ. Останавливаюсь у кожаного кресла, хватаю футболку и вытираю ею пот со лба. Я действительно зачастил на ринг, но это не Бакстера собачье дело.

– Ты не пропускаешь ни дня тренировок. – Он подходит ближе. – Что стряслось?

Мечтаю о том, чтобы закончить этот разговор и принять душ. Горю желанием огрызнуться, но сдерживаюсь. Бакстер тут ни при чем. Мне просто стоит охладиться. Я не собираюсь задевать его, поэтому вдыхаю глубже, собираю всю волю в кулак и глухо произношу:

– Набираю форму.

– Ты возвращаешься в бои? – недоумевает он.

С недавних пор я перестал принимать участие в боях, и об этом знали все. Мое решение было непоколебимым, и никто даже не посмел спрашивать об истинной причине. Ее знал только я.

Заклучалась она в Кайле. Брат не поддерживал эту затею с боями и постоянно меня отговаривал. Я дал ему слово, что не сломаю ни одного парня ни за какие деньги.

Бакстер, конечно, не знает о моей жизни ровным счетом ничего, поэтому сейчас так активно расспрашивает. За непомерное любопытство его когда-нибудь хорошенько раскрасят.

– Никаких боев, – я мотаю головой, – это не спортивный интерес. Скоро я улечу из страны, вот и привожу мышцы в тонус перед отлетом.

Нагло вру, не желая выставлять себя жертвой. Я никогда не позволял и не позволю себе дать слабину.

– А куда летишь, если не секрет? – продолжает выпытывать он, хватая с полки бойцовские перчатки.

– Еще не решил.

– Ну, все равно удачи. – Он протягивает ладонь для рукопожатия.

– Я ухажу. У тебя есть шанс показать Адаму, на что ты способен.

Пожав руку Бакстеру, я двигаюсь к выходу. Адам тренирует тут ребят уже почти сорок лет. Раньше он намеревался вытащить меня в ряды первых и сделать титулованным боксером. Только я предпочитал дубасить груши для утешения боли, а не ради славы. И слова Кайла теперь окончательно подтверждают мой выбор.

Кайл. Только он мог мной командовать.

Как сейчас помню его любопытный взгляд, неравномерно вздымающуюся грудь и шепот, до сих пор громко звучащий в моей голове.

* * *

– Трестен, ты всегда будешь рядом со мной, правда?

От нервов в горле встал ком. Я лишь кивнул: страх не позволял говорить. В мыслях крутилось осознание того, как мало времени осталось у брата. Еще совсем немного – и он покинет меня с Эмбер.

– Мне десять, а тебе девятнадцать. Ты такой взрослый. Тебе со мной не скучно?

Мне казалось, вибрации его голоса раздавались эхом по всей квартире, но прежде проходили через все мое тело.

Я прислушивался к его прерывистым вздохам. Он угасал. Как падающая звезда, как вспышка старого «Полароида». Как умирающий мальчик, который никогда не отпразднует одиннадцатый день рождения.

Я еле сдерживал слезы, когда он вновь и вновь жаловался на боли.

– Трес, – брат подал голос, и я вздрогнул, – чего ты молчишь? Скучно?

– Нет, малыш, с тобой не может быть скучно.

Кайл любил смотреть телевизор. Обычно он проводил вечера за «Спанч Бобом» или «Финесом и Фербом». Однако в тот день по новостям показывали уличную драку. Брат вскочил с кровати и указал пальцем в сторону экрана.

– Ты вот так бьешь людей? Я знаю, что ты участвуешь в боях, чтобы принести домой деньги.

– Что?

Я опешил. Кайл для своего возраста был очень смышленным. Я испугался, что он услышал нашу недавнюю ссору с матерью. Когда я пришел побитым, с зашитой губой, и положил стопку долларов на стол, мама снова разозлилась. Но у нас не было выбора. Злилась она или нет, ее зарплаты в больнице нам хватало лишь на некоторые лекарства для Кайла. Остальные мы могли купить только благодаря моему заработку. А я зарабатывал как мог.

– Пообещай, что больше никогда не будешь бить людей! – Кайл сузил глаза и заглянул в мои с таким серьезным видом,

что я замер. – Пообещай, Трестен! Ты должен пообещать мне, что больше никого не ударишь!

– Я... я... – Мне стало настолько стыдно, словно грязь вдруг покрыла меня с ног до головы. И я не знал, отмоюсь ли от нее когда-нибудь.

В тот момент Кайл резко побледнел и схватился за грудь: приближался приступ. Я взял его крошечные ладони в свои и прижал к себе.

Он не заслуживал того, что с ним происходило.

– Трес... – Кайл тяжело дышал, – ты обещаешь?

Я кивнул и, крепко зажмутив глаза, уткнулся носом в его макушку.

– Обещаю.

Кайл беззвучно заплакал от боли, а моя рука потянулась к лекарствам, лежавшим на стеклянном столе.

– Сейчас перестанет болеть. Потерпи, малыш.

** * **

Я выхожу из зала опустошенный: все силы оставлены на ринге. Сегодня была последняя тренировка перед отъездом. Неизвестно, когда я вновь вернусь в зал к Адаму. Может, через три месяца или полгода, а может, не вернусь вовсе.

В нос ударяет аромат китайской лапши из забегаловки на углу Хадсон-драйв. Желудок сводит от голода. Ел я в последний раз около шести часов назад. Лапша с курицей и овоща-

ми явно не будет лишней этим вечером. Возьму две порции, для себя и мамы. Черт! Осекаюсь и непроизвольно сжимаю кулаки. Мамы? Скорее, мне стоит называть ее Эмбер. Я даже не знаю, как к ней теперь обращаться. Мое отношение к маме не изменилось, но новые реалии выросли между нами высокой бетонной стеной.

– Ваш заказ, сэр. Спасибо за ожидание.

Молодой темноволосый парень азиатской внешности обращается ко мне спустя двадцать минут ожидания. Ненавижу пятницы. Здесь постоянно очереди из-за напитков навывнос за полцены. Люди любят халяву.

– Спасибо.

Я хватаю бумажный пакет с едой из рук кассира. Аромат сводит с ума. Чувствую болезненные спазмы в животе. Выбираюсь на улицу и бросаю короткий взгляд на наручные часы. Девять вечера. Заметно стемнело, пока я ждал заказ. Май в Атланте всегда влажный, и за пять минут пешей прогулки майка промокла от пота.

В последний месяц я так часто проводил время вне дома. Все эти дни я как трус сбегал. Сбегал, чтобы не сталкиваться с мамой взглядом, не видеть в нем чувство вины и чтобы взвесить все «за» и «против». Мне нужно было принять решение, что делать дальше.

Утрата, которую мы понесли с мамой, раздавалась внутри протяжным звоном, не дающим слышать ничего вокруг, кроме собственных стонов боли и мольбы об успокоении. Она

оседала на языке привкусом горечи. И усилия пережить эту потерю вопреки всему будто приводили нас к еще большему отчаянию. Мы лишились самого дорогого, это и не могло ощущаться по-другому.

Поначалу мы много говорили о Кайле. Каждый из нас мысленно корил себя за то, что не уберег его. И в то же время стыдился облегчения от того, что его собственные страдания подошли к концу. Ведь видеть, как тот, кого ты любишь, постепенно угасает, – невыносимые мучения даже для сильного человека.

Потом мы перестали говорить. Почти совсем. Мама рассказала еще кое-что, после чего между нами повисла завеса молчания. И боль стала в разы сильнее. Она обвилась вокруг шеи колючей удушающей проволокой и ждет своего часа. Ждет момента, чтобы затянуться.

За мрачными мыслями я совсем не замечаю, как оказываюсь у дома. В квартире свет горит только в окне гостиной. Интересно, чем занята мама. Вероятно, читает в кресле или... снова плачет, рассматривая детские фотографии Кайла. Вздрагиваю, но продолжаю подниматься по лестнице. Я пытаюсь найти в себе силы войти домой как раньше – обнять встречающую на пороге маму и пригласить ее на кухню, чтобы поужинать вместе. Но стена между нами не хочет ломаться. Хотя кому я вру? Я даже пальцем боюсь ее коснуться, не то что рушить.

Поворачиваю в замке ключ и открываю дверь. Прислуши-

ваюсь к тишине, воцарившейся в квартире. Плача мамы не слышно, и это немного успокаивает. Что она делает?

Я вхожу, оставляя спортивную сумку с формой в коридоре. Желудок сводит в сотый раз. Но я уже не уверен, только ли от голода.

– М-м-мам?

На кухне я ставлю пакет с едой на стол и сразу прохожу в гостиную. Как только вижу маму, сердечный ритм приходит в норму. Она лежит в кресле: ее белые крашенные волосы рассыпались по подлокотнику, одной рукой она подпирает щеку, а второй держит раскрытую книгу.

Я делаю шаг назад, но мама, кажется, все равно замечает мое присутствие. Она приоткрывает глаза и зевает.

– Трес? Ты уже дома. – Мама оглядывается, словно в поисках чего-то. – А который час?

– Почти десять.

– Ничего себе, – она снова зевает, – я проспала три часа. Ох! Ужин! Я хотела приготовить индейку к твоему приходу.

Мама с трудом приподнимается с кресла.

– Так, ты сядь отдохни, а я пока пойду приготовлю еду, – говорит она, но я не двигаюсь с места.

– Нет, – отвечаю, – я уже купил нам лапшу. Не нужно ничего готовить.

Мама бросает на меня полный сожаления взгляд, и я не выдерживаю. Не выдерживаю притворства, словно жизнь не изменилась, словно каждый день мы не прячемся за масками

и не пытаемся казаться счастливыми.

– Тебе стоит перекусить и лечь отдыхать, м-ма... – Я осе-
каюсь, набирая воздуха в легкие. – Еда на столе. Я в душ.

Мама не двигается. Мелкие покалывания проносятся по
телу. Надеюсь, что не обидел ее. Этого я точно не хотел. Раз-
ворачиваюсь, выхожу из комнаты и вдруг слышу, как сзади
раздается тихий голос.

– Сынок...

Но я уже не слышу. Не хочу слышать.

Холодный душ не остужает пыл. Поворачиваю ржавый
кран до упора. Как бы я хотел, чтобы мама вернулась на ра-
боту. Это помогло бы ей выйти из транса.

Несколько дней назад звонила Карен, близкая подруга и
коллега мамы из гинекологического отделения, интересовал-
ась нашим состоянием. Она настаивала на мамином воз-
вращении и просила меня поговорить с ней, но я не решил-
ся. Снова струсил, боясь причинить еще больший вред. Ка-
залось, мама все еще не была готова вернуться в привычную
жизнь, как бы ни скрывала за притворством обратное.

Я подожду еще. А потом состоится серьезный разговор,
который отрезвит нас обоих. Он должен расставить все по
местам.

Глава 2. Я имел право знать

Трестен Райд

Спустя 3 недели

С тех пор как бои для меня закончились, я устроился подрабатывать официантом, чтобы мы не сводили концы с концами. Каждый день теперь проходит одинаково: днем и вечером я работаю в кафе, барах и клубах, а в свободные минуты скитаюсь по городу. Колледж все также остается закрытой темой. Пока большинство моих знакомых делится постами об учебе в социальных сетях, я едва успеваю открыть хотя бы один учебник. Впрочем, как и в предыдущие годы. Пока Кайл болел, я не позволял себе отвлекаться на учебу, не думал об образовании, то было непозволительной роскошью. Я отчаянно пытался наскрести денег на лекарства для Кайла. И на экзамены, специальности, колледж было плевать.

Но мечта вылечить брата так и не сбылась. А разочарование в жизни, как наводнение, затопило мысли о поступлении. Затем прошло много мрачных дней. И вот, похоже, наконец просвет?..

Это утро даже ощущается по-другому. Слышны скрип двери, звуки шагов. Тишина больше не разъедает каждый сантиметр дома.

Аромат в квартире божественный – пахнет яичницей с бе-

коном. И я грустно ухмыляюсь. Эта еда особенная – ее обо-
жал Кайл. Мама готовит любимое блюдо брата впервые с тех
пор, как его не стало.

На кухне никого. На столе одна тарелка с аппетитной яич-
ницей и чашка кофе с двумя кубиками сахара рядом. Все как
я люблю. Сажусь на стул и гляжу в окно, где яркими краска-
ми сияет рассвет. Небо окрашивается в багряный цвет.

Теплые руки мамы невесомо касаются моих плеч. Она
осторожно целует в щеку. Прижимает к себе как родного сы-
на. И я злюсь, потому что не родной. Все девятнадцать лет
это было неправдой. Эти объятия не к месту.

– Знаю, о чем ты думаешь, – тихо произносит мама, – но
для меня ничего не изменилось, Трестен. Я люблю тебя и все
эти годы любила.

«И поэтому скрывала правду?»

– Мне жаль. Ты имел право знать.

Я молчу. Боль не дает произнести ни слова. Веревка
скользит вокруг шеи, но голос мамы будто не позволяет узлу
затянуться.

– Поговори со мной, пожалуйста, – в ее словах слышится
мольба, – послушай, что я хотела сказать все это время.

Мама садится напротив, и синие круги под глазами, опух-
шее лицо, тысячи морщинок выдают ее переживания. Она
словно постарела лет на пять и больше не выглядит здоро-
вой, наполненной жизнью женщиной.

– Я рассказала, что усыновила тебя, потому что так было

правильно. Потеря Кайла на многое открыла мне глаза. Никто не вечен. Когда-то уйду и я, а у тебя никого не останется. Поэтому если ты захочешь найти свою семью сейчас, я не буду против.

Комната сужается до ничтожных размеров, и мы остаемся наедине с разрушающей тишиной. Никто из нас в следующие секунды не прерывает это молчание. Я собираюсь с мыслями. Отголоски слабости, томящейся внутри, рвутся наружу. Чертовы слезы подкатывают к глазам.

– Не представляю, как тебе тяжело, мальчик мой. Эти дни кажутся вечностью. Кошмаром, из которого мы никогда не выберемся.

Едва сдерживая эмоции, я киваю. Хватаюсь за голову и закрываюсь руками, чтобы мать не видела проявления слабости.

– Я пыталась делать вид, что все хорошо, но только вчера приняла произошедшее, – она отпила воды из стакана и продолжила, – ничто уже не будет как раньше, это очевидно. Но мы не можем все оставшиеся годы лить слезы и горевать. Как бы ни было тяжело, надо двигаться дальше, Трестен. Кайл не был бы рад увидеть, в кого мы превратились.

«И на что стала похожа наша квартира».

Обои местами отклеились. Пол покрылся толстым слоем пыли, как, впрочем, и все полки, кроме одной, где стояли фотографии нашей семьи. Комнаты опустели. Из них вместе с Кайлом ушла жизнь. В коридоре перегорели лампочки, в

ванной засорила раковина. Мы перестали следить за тем, что нас окружает. Мы заиклились на утрате.

– Ничто не будет как раньше, – повторяю я за мамой.

– Но мы должны вернуться.

– Разве в этом есть смысл?

Мама печально улыбается.

– Жизнь отбирает у нас дорогих людей, Трес. И кажется, что и мы умираем вместе с ними. Но время идет, и в какой-то момент нужно отпустить. Пережить боль и отпустить. – Я дрожу от ее слов. – Смысл есть во всем. И каждому из нас необходимо вновь его обрести.

Сдавленный всхлип вырывается из груди, но я подавляю его кашлем.

– Я не понимаю, что чувствую. Слишком много эмоций, и я не справляюсь с ними.

– Вижу, сын.

«Сын».

Выдыхаю. Одним движением вытираю поганые слезы с лица.

– Если хочешь найти свою родную семью и узнать, я поддерживаю тебя.

– Я не хочу делать тебе б...

– Трес, – мама перебивает меня, – я приму любое решение.

Впервые за этот тяжелый период я подхожу к маме и крепко обнимаю ее. Она, как и всегда, по-особенному пахнет –

распускающимися бутонами пионов. От нее исходит тепло, даже несмотря на лед, сковавший сердце.

– Спасибо, – шепчу ей на ухо, – мне было важно услышать эти слова.

– Тебе всегда есть куда вернуться. Я здесь. И я буду ждать тебя.

Я слышу, как мама рыдает. Вижу, как она плачет. Слезы падают с ее бледных щек, чтобы остаться на моей футболке напоминанием. Не давая забыть о дне, который запечатлел нас, разбитых и потерянных. Мама утыкается носом мне в грудь и содрогается от душевной боли. Она знает: я думаю о поисках родной матери.

Всю ночь я размышляю, каким станет дом, если мама останется одна. Будет ли он напоминать ей о счастливых днях? Или станет хранилищем страданий и потерь?

Череда несчастий преследует нас со смерти отца. Теперь уже, как оказалось, не моего родного отца. Это его уход спровоцировал болезнь Кайла. Брат невероятно тяжело перенес новость об аварии, в которую попал Виларес. Как ни боролись за его жизнь врачи, в конечном счете они были вынуждены произнести известную и беспощадную фразу, а мы – как-то ее принять.

* * *

– Покружи еще! Пожалуйста, пап! – кричит Кайл.

В саду уютно. Жуужжат пчелы с оранжево-черными брюшками, машут изящными крыльями бабочки, в траве ползают яркие гусеницы. От насекомых не оторвать глаз! Я не перестаю хлопать ресницами от изумления. На улице невероятная жара, поэтому я устроился в тени у раскидистого дерева. Здесь хорошо – легкий ветерок обдает со всех сторон.

Из домика, который родители сняли на лето, веет ароматом жареной индейки. Мама готовит ее в тысячный раз. Иногда кажется, что это единственное блюдо, которое она умеет делать. Мы с братом и папой в ожидании обеда резвимся во дворе.

– Эй, – папа плюхается рядом, – а почему именинник не бежит с нами?

– Разглядываю насекомых.

Он оглядывается. Затем ловко хватает муравья и подносит к моему лицу.

– Смотри, какой трудоголик!

Неохотно гляжу на муравьишку. Не очень хочется разговаривать с папой после того, что я услышал утром. Я все вспоминаю их с мамой беседу и пытаюсь понять, что она значит.

Папа не любит меня?

– Я не понимаю тебя, Виларес. Ты так хотел ребенка, ты клялся, что для тебя не будет никакой разницы. Но потом!..

Мама повышает голос на папу. Они закрылись в ванной, но их все равно слышно. Неужели скрывают что-то от нас с братом? Я встаю за дверью и подслушиваю, как хулиган. Впрочем, меня всегда так звали в детском саду, а сейчас и в школе.

– Эмбер, – шипит папа, – я не отказываюсь от своих слов. Но нужно время.

– Время? – Мама смеется, но смех у нее какой-то злой. – Прошло двенадцать лет. Кого ты пытаешься обмануть? Я вижу, как ты относишься к Кайлу и как к Тресу.

– Я стараюсь, Эмбер. Очень жаль, что ты не замечаешь.

– С рождением Кайла ты изменился, вот что я замечаю.

Слышатся всхлипы мамы. Мне становится страшно.

– Я не знаю, как тебе объяснить, но связь...

Что-то жжжет в груди.

– Эмбер, у нас какая-то особенная связь с Кайлом, с Трестеном ее нет.

– В отличие от тебя я люблю их одинаково, Виларес. И мне все равно, кто из них кто. Они оба – мои сыновья.

– Наши сыновья, Эмбер. – Голос папы приобретает твер-

дость. – Но это сложно. Все так сложно!

– Будь добр, хотя бы сегодня, в его день рождения, сделай вид, что любишь их одинаково.

Замок щелкает, и я бегом направляюсь в спальню, чтобы меня не поймали. Значит, папа любит Кайла больше, чем меня? Ну конечно. Я ведь не такой маленький. Мне уже двенадцать. Малышей всегда любят сильнее.

** * **

Мы все еще сидим на траве и смотрим на муравья. Кайл ползает неподалеку от нас и щипает зелень пальчиками.

– Ты чего задумался? – вдруг спрашивает папа. – Над тем, почему он трудоголик?

– Да что в нем такого? – отвечаю я с раздражением. Бабочки, пчелы, жуки – все интересные, но что взять с простого муравья?

– Погляди, что у него на спине.

Старательно всматриваюсь и вдруг замечаю соломинку на спине у муравьишки. Зачем она ему?

– Муравьи строят домики, как и мы. И посмотри, какой он сильный. Совсем маленький, а носит на себе такой груз. У муравьев большие семьи, и он помогает в строительстве.

Я вслушиваюсь в слова папы про маленького муравья, понимаю его восхищение и окончательно убеждаюсь. Он точно не относится к нам с братом одинаково.

– А если бы муравей был большой, ты бы тоже так восхищался им? – Злюсь. Сбрасываю насекомое с ладони отца и встаю.

Папа непонимающе пожимает плечами. Он не отвечает, но мне и не нужны его слова. Я все и так уже знаю.

* * *

Отношения с отцом были сложными все мое детство. От мамы я чувствовал больше тепла. Вечно пытался найти причину, почему папа так небрежно ко мне относится. Искал ее в себе, своих поступках, но нашел, только узнав секрет, который родители хранили столько лет.

Я не родной. Я чужой для них ребенок. В этом и заключается вся проблема.

Мама призналась спустя неделю после смерти брата. И меня тогда волновал вопрос – почему не после папиной аварии? Но теперь я могу только догадываться. Ведь это уже ни на что не повлияет. Главное – правда открыта голове и сердцу.

Глава 3. Нужен выход

*Счастливая семья – это ранний рай.
Джон Боуринг*

Испания, Барселона
Бридли Ривьера

- Не хочу тебя отпускать.
- Придется, – я поворачиваюсь к Амадису, – мне нужно

вернуться домой к ужину.

Награждаю его довольно хмурым взглядом, после чего он сжимает челюсти и разочарованно выпускает из объятий. Это очень в стиле Амадиса – обижаться на ерунду.

– И почему сегодня я не вписываюсь в ваш семейный ужин? Твой папа любит, когда мы приходим вместе.

– Мой папа любит только разговоры о твоих перспективах в футболе.

– Бридли, – Амадис хитро улыбается, – неужели ты ревнуешь родителей ко мне?

Я удивленно поджимаю губы. Нашим отношениям почти два года, но Амадис так и не узнал, какая его девушка на самом деле. Впрочем, иногда действительно кажется, что этого подающего большие надежды футболиста, лучшего друга моего брата и просто идеального парня волнует только гонка за статусом лучшего во всем. Таков Амадис Кабальеро.

Когда рядом находится кто-то третий, будь то Абель, мама или папа, мгновенно начинаются хвалебные речи в адрес примерного Амадиса и не заканчивается поток необоснованной критики в мой. И, зная, как Амадису бывает нелегко, я закрываю на это глаза. Возможно, похвала поможет ему со всем справиться.

– Амадис, вспомни, что было на последнем совместном ужине?

Я скидываю брови и жду, что он ответит в свое оправдание.

– Ну, – он чешет затылок, – мы обсуждали нашу с Абелем победу в матче против «Волков».

– И только, Амадис? – Усмешка слетает с губ. – А как же двухчасовая ода всем твоим заслугам?

Я не осуждаю родителей, но порой их отношение к моему парню переходит все границы.

– Эй, – он легонько толкает меня в плечо и притягивает к себе, – малышка, ты чего завелась?

«Родители снова ссорились. Громили посуду с пяти часов утра...»

Я пропускаю вопрос мимо ушей и стараюсь успокоиться. Однако мысли о скандалах дома всегда выводят из равновесия.

– Все в порядке. Прости, если задела.

– Хочешь мороженого?

– Еще спрашиваешь!

– Два шарика? – Амадис подмигивает.

– Три!

– Все что угодно.

Амадис оставляет меня одну. Пока он стоит в очереди за мороженым, я успеваю собрать наши вещи со скамейки. Если бы не родители, мы с Амадисом провели бы здесь весь вечер, наслаждаясь музыкой, что всегда звучит в это время. Такую можно услышать в театре. Мелодия разносится то уверенно и непокорно, то вкрадчиво и загадочно, а то и вовсе становится пламенной и рассерженной. Ее не сразу можно

понять. Она, словно актриса, перевоплощается из одной роли в другую.

Я восхищаюсь мастерством уличных музыкантов. В их игре есть жизнь. Я люблю искать смысл в каждом звуке. Если бы только не вечное ворчание Амадиса, которое не дает сосредоточиться. То ему не нравится погода, то он устал после тренировки. И еще тысячи причин, почему день плохой.

Странно признаться, но я рада, что сейчас у меня есть возможность побыть наедине с собой, не слушая его бесконечные речи. С любопытством гляжу на туристов: они неискушенными взглядами смотрят на живописные озелененные холмы, сказочные мозаичные домики, аллеи каменных деревьев. И виды приводят их в восторг. Те, кто тут впервые, замирают и подолгу рассматривают даже самую непримечательную часть города, убеждаясь, что отсюда Барселона еще прекраснее, чем о ней пишут в социальных сетях. И я с этим согласна.

Хоть мы и живем с Абелем в туристическом городке Салоу из-за ресторанного бизнеса родителей, на учебу в Барселону приезжаем почти каждый день и видим ее во всей красе. Еще один стимул посещать занятия – прогулки по городу после пар и каток.

Амадис с Абелем чаще всего бросают меня и бегут на тренировки по футболу после университета, а я если не гуляю, то заглядываю на каток и вспоминаю, что умела до травмы. Тренируюсь, чтобы не разучиться кататься, пусть и делаю это

очень осторожно.

Мои мысли прерывает мобильник, громко разразившийся рингтоном. Кому так необходимо до меня дозвониться? Бросив взгляд на экран, я расслабляюсь.

*Входящий вызов: **НЬТИК***

Вот и Абель собственной персоной. Прогулял пары, лежит на диване и играет в приставку, а мне наверняка звонит с просьбой привезти жареных каштанов.

– Что надо?

– Бридли?

– Нет. Ее секретарь.

– Не смешно, – злится Абель. – Где тебя носит? Ты же слышала, что было утром. Почему ты еще в городе?

Я осекаюсь и до боли закусываю губу. Неприятное жжение расходится в груди. К черту все! Да. Я не вернулась домой раньше, хотя знала, что у родителей кризис в отношениях. Знала и не приехала, потому что тоже мечтала хоть на секунду забыть о криках, оскорблениях и битой посуде.

– Бридли? – Абель спрашивает еще строже. Эгоист! А как насчет того, что он остался дома и мог бы сам вмешаться в конфликт, если потребуется? Почему успокаивать родителей вечно приходится мне?

– Да, Абель, я слышу тебя, – стискиваю зубы.

– Тут такое творилось.

Замираю. Слова Абеля пугают. Что еще могло произойти за первую половину дня?

– Ситуация ухудшилась?

– Не то слово. Мать обещает завтра же подать заявление на развод.

Сердце сжимается. Я едва делаю вдох. Дела плохи.

– А отец? Что он ответил на это?

– Бри... – слышу тяжелый вздох Абеля и осознаю, как все плачевно. – Я кое-что придумал, но без тебя не могу решить.

– Что?

– Помнишь то объявление, которое мама выкладывала?

Я напрягаю память, пытаюсь понять, о чем именно говорит Абель.

– Официант с проживанием. Что, если я тебе скажу, что кто-то откликнулся?

– К чему ты ведешь? – Во мне роятся сомнения, но я заставляю себя трезво мыслить.

– Бридли, давай бегом домой! Все при встрече расскажу!

Голос у брата поникший. Абель нечасто показывает свои переживания, а еще реже говорит о них. Все бы ничего, будь это просто развод... Половина семей разводится, и сейчас это, кажется, стало нормой.

Я совершенно не замечаю, как Амадис оказывается рядом. Он стоит с двумя рожками мороженого и тепло улыбается, но потом прищуривается, распознавая мое беспокойство.

– Малышка? – Амадис только открывает рот, чтобы задать вопрос, как я устало кладу голову ему на грудь.

– Что случилось? – шепчет он, боясь растревожить сильнее любым громким звуком.

– Мать собирается подать на развод. Она наконец-то решилась сделать это, – мотаю головой из стороны в сторону. – Ты понимаешь, что наша жизнь полностью изменится? Я... я, возможно, скоро окажусь в другой стране...

Сердцебиение Амадиса учащается вместе с моим – я чувствую это, прижимаясь к его груди.

Конфликты в нашей семье происходили и утром, и днем, и вечером. Только прежде никто о разводе даже не заикался. Мама родилась в Чикаго и в Испанию перебралась только ради отца. При разводе она точно решит вернуться в Америку, и, скорее всего, нас с Абелем разлучат. Это мне совершенно не нравится. Расставаться с родными всегда тяжело, да и Америка с Испанией не в двух часах езды друг от друга.

– Думаешь, Памелла сделает это?

– До сегодняшнего дня считала, что мама вслух подобного даже произнести не сможет. Но, кажется, сейчас она точно настоит на своем.

Я не в силах открыть глаза, потому что яркий мир в одно мгновение сменяется на черно-белую картинку. Как больно отделяться от близких, уезжать за тысячи километров и не иметь возможность видеть их. Как с этим справиться?

– А как родители будут делить ресторан?

Хороший вопрос. «Перекресток» – единственная причина, по которой мы еще живем в Салоу. Если не станет его,

мы разъедемся по разным концам света.

– Думаю, останется у отца, или продадут. Мама точно не будет держаться за ресторан. Она и не посмотрит в его сторону после развода.

Амадис прочищает горло кашлем, и я вздрагиваю. Медленно отстраняюсь и поднимаю глаза. Нам тоже придется расстаться, если я уеду с мамой. Внутренний голос шепчет, что это, может, и к лучшему. Будет ли мне комфортнее без него? Амадис похож на моего отца, мир должен крутиться вокруг них. Но я искренне надеюсь, что он повзрослеет и станет более внимательным к чувствам окружающим, в том числе к моим.

– Этим летом ресторан должен работать, наплыв туристов обещает быть колоссальным. У нас уже сейчас много посетителей.

– Не то слово. Туристов этим летом будет больше раза в два.

– Из-за кредита нам просто необходимы лишние деньги. Чем больше посетителей, тем больше заработка. Родители даже как-то давали объявление с поиском официанта за символическую плату.

Вот только отец не поддержал идею мамы из-за своей гордыни и попросил убрать анкету, но Амадису об этом знать не обязательно.

– За символическую? – удивляется он. – И много желающих?

– Все не так просто. Мы же недавно освободили комнату папиной сестры после ее переезда.

– Помню. Кстати, насчет интерьера... А вы же сняли те ужасные обои?

Я хихикаю:

– Нет.

– Не завидую новому жильцу.

– В общем, мама предлагает сдать ее работнику. То есть он будет жить у нас бесплатно и при этом работать в «Перекрестке» за символическую плату. Денег лишних нет, поэтому родителям так проще.

– Сдать комнату и не париться?

– Да.

Амадис отходит на пару шагов назад, вскидывает брови и лишь теперь замечает, что по его рукам течет мороженое вместе с шоколадной посыпкой. Я внимательно наблюдаю за его реакцией на слова о сдаче комнаты, чтобы прикинуть, как отреагирует отец. Затея брата звучит интересно и, возможно, даже как-то разрядит напряженную обстановку в доме.

– Стой, – зрачки Амадиса расширяются, – ты хочешь сказать, что они готовы принять кого-то, впустить к себе домой, чтобы не платить простым официантам здесь?

Он недоумевающе моргает и явно не может понять, зачем мы все так усложнили.

– Да. Местные требуют высокую плату в сезон. Нам про-

ще дать комнату. Да и вдруг новый сосед поможет наладить отношения родителей.

– Как какой-то незнакомец поможет твоим родителям?

– Думаю, при посторонних они не будут выяснять отношения так бурно, с битьем посуды и криками, а наконец-то сядут и поговорят.

– Не думаю, что это хорошая идея.

А я все-таки вижу в ней какой-то смысл. По крайней мере, мы с Абелем попробуем сделать хоть что-то. Разрушить всегда проще, чем построить.

– Сейчас наш единственный с Абелем шанс – найти такого работника. Я согласна на кого угодно. Даже на потного старого мужика.

Амадис напрягается: желваки дергаются, ладони привычно сжимаются в кулаки. Он закусывает губу почти до крови.

– А если это будет молодой красивый парень? Это сумасшествие, Бридли!

– Мне плевать, Амадис, хоть обезьяна. Если она поможет решить проблему, почему бы и нет?

– Он будет жить в соседней комнате, – грозно констатирует факт Амадис.

– А проводить время я буду с тобой, – отвечаю достаточно мягко в попытке сгладить нарастающий конфликт.

Амадис не терпит парней рядом со мной, он всегда начеку. Интересно, что произойдет, если моим новым соседом действительно окажется симпатичный парень? Нет, глупость

какая, почему я вообще думаю об этом, находясь в отношениях?

Потому что у этих отношений нет будущего? Я отмахиваюсь от липких мыслей, часто забирающихся в голову в последнее время. Глупости!

– Растаяло... – произношу я с грустью, наблюдая за тем, как мороженое стекает по его пальцам.

– По пути купим новое. Нужно ехать?

– Да, Абель в бешенстве.

– Пусть бесится, его злости очень не хватает на играх в последнее время.

Амадис выкидывает вафельные рожки с оставшимся мороженым, вытирает салфеткой руки и затем переплетает наши пальцы в замок, и я едва не содрогаюсь от ощущения будто физического щелчка. Все чаще ловлю себя на мысли: рядом с Амадисом я не то чтобы под защитой. Я скорее под замком.

– Ладно, – выдыхаю я, но в груди все равно что-то прячется от чувств Амадиса, – едем на вокзал.

– Скорее, малышка.

Глава 4. Это наш шанс!

Бридли Ривьера

Морской бриз щекочет кожу, мурашки проносятся по телу. Пока мы с Амадисом движемся в сторону дома, застаем закат – ярко-розовый с фиолетовыми бликами. Не могу отвести взгляда от этого великолепия. Он завораживает: я смотрю и мечтаю о спокойствии. О том, что вернусь домой и увижу счастливую семью. Двух любящих людей, у которых есть сын и дочь и которые ценят все, что строили годами.

До сих не могу понять, как родители в один миг могут без сожаления расстаться друг с другом после стольких лет совместной жизни? Я не готова принять, что мама уедет в Америку, а отец отпустит ее. До последнего буду верить, что по утрам смогу видеть улыбки на их лицах.

– Спасибо, что проводил. Как видишь, ужин сегодня отменяется.

Амадис оставляет легкий поцелуй на моих губах. Хочется большего: притяжения и бабочек в животе, но переживания за брак родителей не дают полностью раствориться в чувствах. Я встаю на носочки и целую в ответ, и его руки касаются талии. Когда мы отстраняемся, он снимает резинку с моей руки и собирает мои светлые выующиеся волосы в хвост. Ему нравится так делать, и он никогда не спрашивает,

нравится ли мне. Возможно, раз нравится ему, то и я должна считать это привлекательным.

– Изумительный день, не считая его конца. – Он обнажает белые зубы в улыбке.

– Как сказать, – произношу я с грустью, – спишемся перед сном.

– До завтра, малышка.

Провожая его взглядом и делаю шаг назад, упираясь в дверь. Металл холодит кожу на лопатках. Амадис отходит на приличное расстояние, и я наконец переступаю порог дома.

Мне не по себе. Сердце рвано стучит. Воздух в прихожей удушающий – напряжение разрывает каждую клеточку тела. Доносится аромат недавно сваренного какао, ассоциирующегося с подавленностью: мама всегда пьет его в плохом расположении духа.

Что еще родители успели разгромить, пока меня не было? Оставляю шопер на комод, вешаю на крючок джинсовую куртку и прохожу дальше с замиранием сердца. Волнуюсь и в то же время злюсь: родители – взрослые люди, а компромисс найти не могут. Собачатся, что-то постоянно делят, и иногда кажется, что специально ищут поводы для ссор. Тяжело видеть их такими.

Пару лет назад все было по-другому.

Мама с отцом два воскресенья в месяц устраивали себе романтические вечера. В детстве нас с Абе́лем оставляли у соседей, а когда мы выросли, стали сидеть одни, зная, что ро-

дители уходят гулять на всю ночь. В какой момент все пошло не так? Не понимаю, как их отношения превратились в ту грязь, что я вижу сейчас. Если бы отец изменил, мама выставила бы его за дверь сразу. Тогда что произошло? Поиски ответа на вопрос продолжаются второй год. Я, как сыщик, использую все зацепки, но пока не приблизилась к разгадке. Нелегко искать причину в одиночку. Абель мне никак не помогает. Наоборот, только усложняет все своими капризами и эгоизмом.

По разбросанному на столе попкорну я понимаю, что Абель недавно лежал на диване в гостиной и играл в приставку. Синий джойстик валяется на полу, банка колы стоит на столе, а пустая тарелка – вверх дном рядом с плазмой. Какой же бардак он вечно оставляет после себя!

– Абель! – кричу во все горло.

Слышатся громкие шаги на лестнице. Я оборачиваюсь. Глубокий вдох помогает заpastись терпением.

– Я тут, гном.

Закатываю глаза. Это прозвище появилось, когда Абель перерос меня. Он очень гордился своим ростом, вот и прозвал меня гномом. Сейчас он под шесть футов, на фоне него я действительно Дюймовочка.

Брат впивается в меня взглядом – берет на слабо. Начинается игра, кто первый моргнет. Абель слабак. Чуть что – уже хлопает ресницами. Уверена, он проиграет. С вероятностью в девяносто девять процентов. Я лишь сужаю глаза, набираю

носом воздух и через несколько секунд бросаюсь щекотать Абея.

– Это запрещенный прием! – Брат цокает языком. – Попробуй хоть раз сыграть честно и проиграешь.

– Я проиграю? – скрещиваю руки на груди. – Ты просто не умеешь признавать поражение.

– Это не так!

– Ладно, неважно. Где родители? Почему в доме так тихо? Мы с братом замолкаем, и наступившее беззвучие пугает. Не так давно я мечтала о заветных минутах спокойствия и молчания, а сейчас вздрагиваю от звенящей тишины в доме.

– Мама спит у себя в комнате, а отец поехал в ресторан наводить порядок. Сития не вышла на работу – ребенок заболел. Отцу пришлось срочно заменить ее.

Абель хватает со столика банку с колой, делает жадный глоток и разом допивает все до дна.

– Что у тебя за идея? Рассказывай!

– Я сомневаюсь, что родители доработают лето одни в таком режиме. А ты?

Рабочие руки в «Перекрестке» на вес золота. Папа и мама действительно не справляются.

– Тоже.

– Мы учимся до середины июля. У меня тренировки, ты загружена проектом и часами возишься в библиотеке. И мы не можем на постоянной основе помогать им в ресторане. Поэтому у меня есть предложение. – Абель хватает меня за

руку, а другой берет планшет.

Он ведет меня на пристроенную к дому террасу. Люблю это место. Оно наполнено беззаботными радостными воспоминаниями: как отец жарит барбекю, а мы сидим и ждем жареные ребрышки, как мама ухаживает за цветами в саду, как Абель чеканит удары мячом на газоне. На секунду становится невероятно тепло, и я с тоской улыбаюсь. Эти моменты так хочется вернуть...

Абель ставит пуфики по бокам от стола, и мы плюхаемся на них. Я усаживаюсь поудобнее и жду, пока он включит планшет. Абель, нетерпеливо стуча пальцами по коленке, наконец говорит:

– Я снова опубликовал то объявление.

– Отец же просил не делать этого, – напоминаю ему.

Меня охватывают противоречивые чувства: с одной стороны, страх, что нам придется пойти наперекор папе, с другой – надежда, что эта затея все же принесет результат.

– Да, но какая теперь к черту разница, Бридли?

Я понимаю, что родителям нужно время, и проблемы в браке не решаются по щелчку пальцев. Да и мы не волшебники, чтобы заставить двух взрослых людей вновь полюбить друг друга. Но что, если этот работник действительно поможет? При нем родители не должны устраивать ссор. А чем тише и спокойнее, тем быстрее наладятся их взаимоотношения. Отчаяние сильнее рациональности. И я верю в каждую, даже мельчайшую попытку.

– Отец взбесится, когда узнает, но ты прав.

Абель хмыкает.

– В доме звучит слово «развод». По-моему, нам нечего терять.

И я киваю. Да. Терять точно нечего. Поэтому мы хватаемся за этот спасательный круг.

Пока страница в браузере грузится, я нервно мну пальцы. В глубине души искренне надеюсь увидеть письма на почте. Если кто-то согласился, это настоящий подарок.

– Ну? Что-нибудь есть?? – нетерпеливо подсказываю на месте.

Губы ноют от покусываний. Сайт слишком медленно загружается. Он виснет, и Абель торопливо обновляет его.

– Есть. Два письма.

– Что там? – На эмоциях голос становится крикливым. – Покажи!

Абель пододвигается ближе на своем пуфике и касается меня плечом. Он поворачивает экран, и мы замираем, глядя на сообщения.

– Двое желающих. – Голос Абеля словно вырывает меня из транса.

Все внутри переворачивается: живот скручивается в один тугий узел из нервов. Абель продолжает стучать по коленке.

– Я не смогу выбрать, Бридли.

– Что?

Абель отдает планшет в мои руки.

– Выбери ты.

Удивление испаряется. Абель в своем репертуаре. Заканчивать начатое за ним должна я. Трус.

– Неужели тебе так сложно решить? Здесь всего два человека, – с раздражением отвечаю ему.

– У тебя получится лучше. Выбирай.

– Я просто ткну в экран с закрытыми глазами, – решаю я. – Кто выпадет, тот выпадет.

Закрываю глаза. Глубоко вдыхаю и готовлюсь выбрать того, кто проведет с нами все лето. Считаю до трех и наугад касаюсь дисплея. Сердце бешено колотится, выбиваясь из груди. Абель сидит неподвижно.

– Дай посмотрю. – Абель выходит из спячки и вырывает айпад у меня из рук. – Ты выбрала...

Он делает театральную паузу, а я уже готова умереть на месте от страха.

– Кого?

– Молодого парня, черт возьми, Бридли!

– Да ладно... – Я прерывисто начинаю хватать ртом кислород. – Я была с закрытыми глазами, ты видел!

Взгляд брата перемещается по экрану, а мне не терпится увидеть лицо будущего жителя нашего дома. Абель закусывает щеку, и у него проступают скулы. Темная челка спадает на лоб, и он поправляет волосы в смятении. Я напряжена не меньше.

– Кто там? Дай посмотреть.

Абель увлечен чтением информации о парне. Не верю, что мы делаем это.

– Трестен Райд, – начинает читать вслух Абель, – американец из Атланты, девятнадцать лет.

– Американец? – Я охаю от восхищения. – Абель, это же прекрасно!

– Мама обрадуется. – Брат подтверждает мои слова улыбкой.

– Ты только представь, как он разрядит обстановку. Мама давно скучает по Америке, а тут в доме поселится американец.

– Хорошее попадание, – улыбается Абель, но вскоре снова угрюмо смотрит на экран.

– Сразу надо было мне выбирать, – гордо отвечаю.

– Дай дочитать, – Абель подносит палец к губам, призывая помолчать, – Трестен занимается спортом, увлекается архитектурой и еще куча других фактов. Пропустим их. О! Вижу что-то интересное для тебя. У него аллергия на сладкое.

– На сладкое? – удивляюсь я и после уверенно заключаю: – Пессимист.

– Пессимист?

– У парня аллергия на самое вкусное на планете, по-твоему, он счастливый человек?

Абель щиплет меня за кожу на боках. Знает слабое место – под ребрами щеютнее всего.

– Ладно-ладно, успокойся, – сквозь смех прошу я, – читай

дальше.

– Серьезный, работоспособный, ответственный.

– Что думаешь? С ним, наверное, не будет проблем. Вроде вполне адекватный.

– Вот только что он здесь забыл? – Абель хмурится. – Деятнадцатилетний парень едет из Соединенных Штатов в маленький испанский городок.

– М-м-м, может, он устал от бешеного ритма мегаполиса и захотел провести лето на побережье? У нас классные пляжи, уютные кафе, хорошая погода. Тебе бы не хотелось выбраться к морю, если бы ты жил в шумном грязном городе?

Абель опускает голову. Я сразу же замечаю его задумчивое выражение лица: вероятно, представляет, что в случае развода останется с отцом. И, кажется, ему тоже этот вариант не по душе. А как иначе – вдали от меня и мамы на расстоянии почти семи тысяч километров.

– Бридли, – Абель вскакивает с пуфика и сносит стоящую рядом корзинку, – может, это все же идиотская затея? Мы не сможем сохранить брак родителей, если они решат расстаться.

– Не сможем. Мы попробуем подтолкнуть их к примирению. Всего лишь одна попытка. Трест...

– Трестен, – помогает Абель произнести имя нового соседа.

– Трестен – наш шанс.

– Я не знаю, – Абель качает головой, – а если это, наобо-

рот, все разрушит?

Хотела бы я ответить, что нет, но не могу заглянуть в будущее. У нас просто нет больше вариантов. А испортить отношения еще сильнее могут только сами родители. И их тяжелые характеры.

Подхожу к Абелю, сокращая расстояние. Сейчас необходимо переварить все это, а уже потом разбираться с последствиями. Поэтому, игнорируя его опасения, я меняю тему:

– Обещаешь мило с ним общаться?

Абель закатывает глаза.

– Ради всего святого!

– И когда ты поверил в бога?

– Со дня твоего рождения.

– Это еще почему?

– Бог послал мне занозу в заднице. Я о ней всегда мечтал, чтобы жизнь не казалась сказкой.

– Ах ты! – В голову Абеля летит попавший под руку футбольный мяч. – Засранец!

– Гном!

И этот момент переворачивает нашу жизнь с ног на голову. Мы творим какое-то безумие под натиском отчаяния. И слепо верим в сохранение семьи Ривьера.

Глава 5. Я потерялся, мам

Трестен Райд

– Я решила вернуться на работу.

Я столбенею. Внутри разливается тепло. Мама наконец сделала шаг по лестнице, ведущей к привычной жизни. Мы постоянно то спускались, то поднимались в принятии случившегося. Однако возвращение к работе – это подъем как минимум на несколько ступенек.

– Ты чувствуешь, что готова? – захожу издалека.

– Это необходимо, Трес. Иначе... – мама качает головой, – мы сойдем с ума.

– Я уверен, что ты справишься.

Мама ласково гладит меня по голове. Я позволяю себе принимать все эти нежности, чтобы она быстрее восстановилась. Ей нужна поддержка, и я дам ее, несмотря на то, как подло она однажды поступила.

– Карен сказала то же самое, – говорит она, – отделение нуждается во мне, им не хватает рук. А нам скоро не на что будет жить: мы потратили почти все сбережения.

Я киваю, хотя насчет денег мама не совсем права. Моя подработка тоже приносит пользу. И за последний месяц все счета были оплачены мной.

– Послезавтра я выхожу на работу.

Гостиную озаряет светом. Солнце протискивается в комнату сквозь зазор между шторами, и мама открывает их полностью. Теперь сияет вся комната: этого света нам не хватало очень давно. С тех пор, как здесь погас маленький мальчик.

– Тебе нужно постирать что-то? – спрашивает мама. – Хочу закинуть вещи в машинку.

– Сейчас посмотрю.

Иду в комнату и открываю шкаф. Бросаю на пол несколько шорт, поло, маек. Вспоминаю о тренировочной одежде и лезу на верхнюю полку. Одним движением смахиваю вниз всю стопку. Поднимаю вещи с пола и замираю... Белый конверт, лежащий между майкой и тренировочными штанами, парализует меня. Тот самый конверт. Я стискиваю зубы и уговариваю себя не читать снова.

Нет.

Ни за что. Я только пришел в себя. Если прочту, буду снова жить как в замедленной съемке, как жертва в вечных поисках виноватых.

Получателем письма был я, но задолго до смерти Кайла. Вот только в руки ко мне оно попало уже после. В самый тяжелый период. Когда хотелось прыгнуть с обрыва. Разбежаться и потерять себя.

* * *

– Как мне его читать? Ты в своем уме? – ору я на маму,

которая, оказывается, мне и не мать вовсе.

Злость рвется наружу. Немыслимо. Жизнь уже перевернулась с ног на голову. И предательство вскрывается только сейчас. Костяшки зудят: не терпится разбить все стекла в доме и перевернуть мебель. Сделать так, чтобы наш дом перестал походить на семейное жилище. Пусть он станет руинами, где я похороню свою боль.

— Возможно, у нее что-то случилось. Я не могу знать наверняка! — Мама тоже в истерике.

— У тебя было это письмо, но ты решила показать его только сейчас? Да как ты могла!

— Я только недавно нашла его. Оно затерялось в почтовом ящике, сын.

«Сын». Мне тошно. Не верю ни слову. Она знала, но ничего не рассказала. Не призналась раньше.

— И что мне, по-твоему, делать? Просто прочитать его сейчас? Сколько времени уже прошло?

Я не вижу ничего, кроме тусклой лампы на столе. В комнате настоящая тьма и холод. Мама сидит в черном длинном халате. Ее руки трясутся, и я ненавижу этот день. Я ненавижу три ужасных дня: смерть папы, смерть Кайла и этот. День, когда я узнал, что чужой и что у меня никогда не было семьи.

Одиночка.

— Она написала тебе, Трес. И я, как мать, — голос срыгается, слезы не дают ей закончить мысль, — не знаю, что

сказать и что, в конце концов, думать. Может, она действительно хочет узнать тебя. А может, это какая-то злая шутка. Вымогательство денег или... или...

Рыдания становятся громче. И я сбегая из этой пожирающей тьмы. Хватаю со стола наушники и телефон и выбегаю на улицу. Прохладный воздух заставляет ежиться. Гремит гром, но ливня нет. Мне плевать на тучи и надвигающуюся грозу. Даже если хлынет дождь, это к лучшему — освежусь.

И я бегу. Бегу со всех ног. Пытаюсь догнать утраченное счастье.

Беды, как снежная лавина, накрывают меня с головой. И я не успеваю разбираться с ними. За одной плохой новостью приходит другая. Они так и будут сменять друг друга?

* * *

Я так и не решаюсь перечитать письмо во второй раз. Кладу его обратно на полку и возвращаюсь к маме с вещами для стирки. Недавно я начал присматривать съемные квартиры в Барселоне и соседних городах. Две ночи подряд отчаянно настраиваю себя на отъезд и разговор с мамой, но страх причинить ей боль побеждает. Я вроде бы ищу жилье, но мечусь между тем, чтобы уехать и остаться.

Наблюдая за состоянием мамы, я замечаю изменения. С каждым днем она, кажется, приходит в норму все быстрее.

Первый рабочий день ее взбодрил. Она перестала походить на собственную тень. Во взгляде снова появился интерес к жизни. Делать выводы все еще рано, но хочется верить, что ей и вправду лучше.

Если я все же уеду, то где-то нужно брать деньги. Моих накоплений не хватит. И если раньше я думал, что вывезу все проблемы, и был готов жить в каморке с тараканами и клопами, то сейчас, увидев варианты, отказываюсь от этой идеи. Идеально решить проблему с деньгами можно было бы благодаря работе с проживанием. Листая вакансии, я натыкаюсь на два таких объявления. Одно предлагает подработку официантом на берегу моря и комнату, а другое – работу мойщика стекол в бизнес-центре и крошечный чердак. Первый вариант привлекает больше, и я откладываю его в избранное.

Утром я снова пялюсь в ноутбук и терзаю себя мыслями. Как поступить? Оставить все как есть или рискнуть? Какой реакции ждать от мамы?

В дверь звонит курьер. Приехал завтрак – бургер с мраморной говядиной и яйцом. Желудок воет. Испытываю легкое волнение, так как экран ноутбука не заблокирован, и мама может в любую секунду зайти и увидеть страницу с жильем в Испании.

Курьер неторопливо достает из сумки еду, и я оборачиваюсь, чтобы проверить, не идет ли с кухни мама. Если она пройдет мимо, то однозначно заглянет ко мне.

– Можно побыстрее? – говорю я парню, который делает все со скоростью улитки.

Он, кажется, начинает возиться еще медленнее. А потом в один момент и вовсе останавливается. Я недоуменно гляжу на него. Его заторможенность до безумия злит.

– В чем проблема отдать заказ?

– Оплата вашего заказа не прошла, сэр. Только что пришло уведомление, – краснеет доставщик.

– Чего? – ничего не понимаю. – Она должна была автоматически сняться с карты.

– К сожалению, этого не произошло. Вы могли бы расплатиться наличными или картой по терминалу. – На его лице появляются красные пятна, подобные укусам насекомым. – Как будет удобно?

Я снова оглядываюсь. Волнение усиливается. Да что ж такое! В самый неподходящий момент встрял с курьером.

– Оплачу наличкой. Подожди пару минут.

Начинаются поиски толстовки, в которой я последний раз выходил из дома. В кармане вроде бы завалялась двадятка.

– Проклятье! – В прихожей с вешалки падают все куртки, одна за другой. Вокруг настоящий бардак.

Спустя несколько минут я все же нахожу деньги и отдаю запуганному парню.

– Сдачу оставь себе, – киваю ему, – спасибо за ожидание.

Пакет с едой наконец оказывается в моих руках. Вероятность, что мама уже зашла в комнату, предельно высока. Де-

лаю глубокий вдох и готовлюсь к худшему. Ее накроет очередная истерика. И она, возможно, решит, что я предатель. Сын-предатель. Чужой сын-предатель.

Полы подо мной скрипят. От страха увидеть маму заплаканной за ноутбуком все внутри сжимается. Давно надо было поговорить с ней о поисках настоящей матери, но я все не решался. Если мама сейчас у меня, я обязан заговорить. Откладывать больше нельзя.

Я слышу, что мама там. Она ждет. Снова малодушно хочу сбежать, но не даю себе ступить назад. Я должен поговорить с ней, раз она обо всем догадалась.

Ее покрасневшие от слез глаза первой пулей выстреливают мне в сердце. Затем летит вторая – из-за фотографии, что сжимают ее пальцы. И последняя пронзает еще глубже. Эта пуля проходит навывлет.

Я вижу письмо родной матери на столе.

– Трес... – Она вся дрожит.

– Мам, – меня самого не слушается голос, – ты не думай, я еще не принял решение. Я еще думаю и скорее всего не...

– Стой! – перебивает меня мама. Она вытирает ладонью слезы и кладет фотографию на стол рядом с письмом. – Я должна сказать тебе, что на самом деле думаю по этому поводу. Я не могу больше держать это в себе и видеть, как ты мучаешься.

Я стою на сквозняке. Порывы ветра из открытого окна остужают пыл. О чем она думала до сегодняшнего дня? Сжи-

маю кулаки за спиной так сильно, как могу. Жду ее слов как вердикта. Приговора, который расставит все по местам. И покажет, где мое место.

– Мне было невыносимо скрывать от тебя правду. Я терзала себя девятнадцать лет. Каждый раз думала: еще годик и расскажу, но не сдерживала своих же обещаний. Трес, мое бремя молчания оказалось ничем по сравнению с твоим состоянием после услышанного. – Щеки мамы покраснелись от того надрыва, с которым она делится своими переживаниями. – Это невозможно, – качает она головой, – я не хочу для тебя такого будущего. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Найти вторую семью и обрести еще один родной дом – это шанс, который нельзя упускать. Я не вечная, сын. И лучше, чтобы рядом у тебя были близкие люди. Не только я.

– Мам, хватит об этом... – не могу больше слушать про ее возможный уход.

– Нет, Трес, дай мне договорить. Это важно.

– Я слушаю.

– Ты все делаешь правильно. Найди ее, пока не стало слишком поздно. Жизнь идет. Мы вольны совершать ошибки. И одну я уже совершила. – Сожаление во взгляде мамы передается и мне. – Не сказала тебе правды в детстве. Если бы не смерть Кайла, то я бы не решилась. И тогда ты бы ничего не узнал.

– Ты боялась сказать мне?

Мама кивает, и с ее ресниц продолжают капать слезы. Она

сжимает край рукава своей махровой кофты и подносит его к лицу.

– Очень боялась. Боялась, что правда разрушит наши отношения, что ты не сможешь воспринимать меня как раньше и любить как родную маму.

«Я потерялся, мама. Я не знаю, что чувствую».

– Понимаю, как нелегко тебе было, – отвечаю я через силу, – не вини себя.

– Я любила и люблю тебя каждой клеточкой сердца, Трес. Для меня ты никогда не был чужим. Вы с Кайлом делили мое сердце. Поровну.

«Вот только отец – нет. Он любил меня как чужого сына».

– Знай, я поддержу тебя, что бы ты ни решил. И я всегда здесь. Твой дом здесь.

Горло сдавливает. Тяжело глотать. Мама кидается ко мне в объятия. Утыкается в грудь. Ее руки гладят меня по волосам. Эмоции, словно молнии, мечутся внутри – я не понимаю самого себя. Что я ощущаю? Какие чувства мной завладели?

И только после того, как мама произносит решающие слова, я закрываю глаза и выдыхаю. На этот раз осознавая свой выбор.

– Поезжай, Трес. Поезжай, пока не стало поздно.

Глава 6. В поисках потерянного счастья

Трестен Райд

Выбор сделан. Салоу вместе с семьей Ривьера и подработкой официантом ждет меня. Руки зудят от предвкушения, я уже расчесал ладони до красных отметин.

Этот вариант подходит на все сто процентов. Работать официантом мне не в новинку: больше года я разносил еду и напитки, чтобы заработать денег для Кайла. Конечно, к концу рабочего дня чувствовал себя как после марафонского забега, но это вошло в привычку. Я готов к труду. У меня есть цель, которую хочу достичь, и я не собираюсь ни на что отвлекаться. Справлюсь со всем, чтобы найти... семью?

Люди, предлагающие комнату в Салоу, по описанию приятные и спокойные. Памелла и Хуан – владельцы ресторана. С ними живут Бридли и Абель – их дети. Парень – мой ровесник, а девушке восемнадцать.

В своем профиле Памелла пишет: «Мы рады видеть тех, кто едет к нам за счастьем».

Иронично. Начинаю смеяться. Громко. Горько.

Могу ли я назвать свою поездку путешествием за счастьем? За счастьем или...

В поисках счастья.

В поисках потерянного счастья.

Станет ли родная мать для меня счастьем? Усмехаюсь. Что я творю? Складывая последние вещи в чемодан, сам не понимаю, что делаю. Не понимаю, нужно ли мне все это. Любопытство берет вверх, и я оправдываю свою поездку им. Только ли любопытство толкает к поискам? Что убеждает меня поехать?

– Трес, – мама прерывает мои мысли неожиданным появлением на пороге комнаты, – ты собрался?

Озарение отзывается ускоряющимся сердцебиением. Я уезжаю от мамы. Не родной, но той, что отдала мне девятнадцать лет жизни. Уезжаю, потому что хочу посмотреть в глаза человеку, который оставил меня младенцем на произвол судьбы.

– Почти. Пять минут, и буду вызывать такси.

Застегиваю тугую молнию на нейлоновом чемодане и оставляю его в сторону. Со сборами покончено.

– Подойди ко мне, Трес.

Мама разводит руки в стороны, приглашая в объятия. В моих движениях вдруг появляется неловкость, и я скованно двигаюсь вперед. Привычный мамин запах немного успокаивает. Тревога отступает. Мама запускает пальцы в мои волосы и треплет их.

– Я буду очень скучать, – тихо говорит она, – очень-очень. Но так правильнее. Поезжай без сожаления. Тебе не о чем

волноваться тут. Я справлюсь.

– Утром вновь казалось, что я совершаю ошибку.

– Тебе страшно. Любой на твоём месте испугался бы неизвестности. Но это возможность найти вторую семью. Я поддерживаю тебя в этом решении, сын.

Живот скручивает. Когда мама целует меня в щеку, я выдыхаю. Она видит, как я напряжён, и поэтому лишь крепче обнимает.

– Все будет хорошо. – Её слова вселяют в меня уверенность. – Я рядом. Я всегда с тобой, что бы ни произошло.

– Мне нужно сказать кое-что важное, – голос дрожит и срывается на последнем слове, я делаю паузу и продолжаю: – Ты всегда была и остаешься моим самым родным человеком, м-м-мам.

Она вздрагивает. Еще раз целует меня и отпускает, чтобы снова не расплакаться.

– Все! Собрались! – восклицает мама. – Никаких слез и грустных прощаний.

– Пора вызывать такси.

– Вот! Займись делом, а я пока схожу причешусь. Мне скоро на работу.

Я слегка улыбаюсь. Мама удаляется в ванную, а я вспоминаю о письме. Рука тянется к шкафу. Достāju конверт с верхней полки и заглядываю внутрь. Проверяю, все ли на месте. В конверте не только обращение родной матери, но и «сувениры» от нее. Две монетки. Одна с выгравированной звездой.

дой по центру, а другая с надписью «Барселона». Интересно, о чем мать думала, когда выбирала их для меня. Что она хотела сказать? Вспоминается последняя строчка из письма.

«Когда нас превращают в пепел, мы возрождаемся в звездах».

Я много размышляю над этими словами, но не нахожу в них ничего особенного. Глупая ванильная цитата.

– Вызвал машину? – слышу сначала голос мамы, а вскоре и ее шаги. Она уже на пути в мою комнату. Одним движением убираю конверт в задний карман джинсов, решая переложить его уже в такси.

– Занимаюсь этим прямо сейчас.

Закончив с приготовлениями, я останавливаюсь у входной двери и еще раз оглядываю маму. Она всем своим видом показывает, что ничто не способно нарушить ее умиротворение, и это внушает мне уверенность в будущем.

Мама отпускает меня. Я это чувствую. Она держится до последнего. И только когда ее ладонь касается моей щеки, роняет слезу.

– Я с тобой.

* * *

– Молодой человек! Молодой человек, проснитесь!
Виски пульсируют. Я не сразу понимаю, где нахожусь.

– Самолет готовится к взлету. Будьте любезны, пристег-

ните ремень безопасности и приведите спинку кресла в вертикальное положение.

Я вздрагиваю. В салоне холодно. Тело сотрясает озноб. Это лихорадка после сна, в котором я видел Кайла. Он – все еще открытая рана для меня. В беспамятстве я приехал в аэропорт и сел в самолет. И даже не заметил, как провалился в сон. Посадка закончилась, и мы уже взлетаем.

– Пристегнись, – сквозь сонный дурман отвечаю бортпроводнице.

Голова раскалывается как после нокаута. Я беру чертов ремень и пристегиваюсь. Какой в нем толк? Если самолет упадет, ремень уж точно меня не спасет.

– Благодарю!

Стюардесса покидает ряд, где я сижу, и мысли возвращаются к Кайлу. Он нечасто снится мне. А если и снится, то после пробуждения я чувствую в груди тяжесть. Это ощущение невозможно описать. Я никогда не тонул, но, кажется, случись такое, на дне я ощущал бы что-то похожее. Осознание, что ничего нельзя сделать. Остается только сдаться в плен иссиня-черной воде. Монстру, что живет глубоко-глубоко.

– Черт...

Как мучительно даются воспоминания о нем. Недавно я приносил ему чай и тосты с апельсиновым джемом в постель. Недавно я держал его маленькую ручку и качал на качелях. Недавно я засыпал рядом с ним и молил бога, чтобы он проснулся.

После химиотерапии Кайл вроде бы пошел на поправку: врачи отмечали положительную динамику, как вдруг состояние снова ухудшилось. Мы были с ним словно на аттракционе под названием «жизнь-смерть»: то взлетали вверх, как на русских горках, то летели вниз со страхом разбиться.

Каждый раз я молился, когда переступал порог кабинета лечащего врача Кайла. Я, атеист, взывал к богу, потому что Кайл должен был жить. Мы с мамой хватались за любую возможность: я работал на трех работах, мама искала врачей. Мы делали все, чтобы он жил. Запах в больнице, казалось, мог убить даже мертвого. Я заходил в палату, и живот скручивало так, что тошнота подступала к горлу.

Я видел бледное лицо Кайла. Лицо, угасающее с каждым днем, как лампочка сломанного фонаря. Я бросил все силы на починку, чтобы эта лампочка вновь светила как раньше. Но здесь от меня почти ничего не зависело. Напряжение росло с каждым днем. Оно не давало моей крови остыть, и та кипела, заставляя всегда быть начеку. Я прислушивался к каждому вздоху Кайла ночами и вздрагивал, когда он переставал сопеть. Я боялся жить и постоянно ждал тьмы, которая могла в любую секунду забрать его.

Жизнь отнимает самых дорогих. И я не понаслышке знаю об этом.

Удивительно, как приходится принимать все, что подбрасывает тебе жизнь. Я откидываюсь на сиденье и бросаю взгляд в иллюминатор. Кресла подрагивают. Самолет начи-

нает набирать скорость. Скоро я окажусь в жаркой Испании. Что меня там ждет? Много интересного. Для начала начос и холодное пиво в обед. На десерт – встреча с родной матерью.

Железная птица отрывается от земли, и я тоже взлетаю вместе с ней. Смотрю в новую жизнь, где вскоре не будет места прошлому. Нужно лишь набраться терпения.

Америка подо мной исчезает. Губы непроизвольно растягиваются в невеселой улыбке. Я никогда больше не вернусь сюда. Прежним.

Глава 7. Частичка моего американского сердца

Бридли Ривьера

– Да пошел ты!

– Следи за языком, Памелла!

– Это я должна следить? А ничего, что пять секунд назад ты назвал меня поломойкой?

– Ничего подобного я не говорил! А вот ты... Не ври!

– Не говорил? Ну конечно! А не ты ли намекнул, что я ничего не понимаю в бизнесе, Хуан?

Я еще не открыла глаза, а родители уже грызутся. Сколько можно! От головной боли хочется скулить. Сегодня воскресенье. С трудом заставляю себя оторвать голову от подушки. Спросонья не сразу нащупываю мобильник на тумбочке. Что-то падает на пол. Судя по тому, как разрываются виски, еще очень и очень рано, чтобы вставать.

После вечернего разговора с Абелем я полночи смотрела сериал. Снова пересматривала «Элиту», чтобы успокоиться. В итоге уснула в четыре утра.

– Я разведусь с тобой! Запомни мои слова!

Стены вибрируют – дверь соседней комнаты со всей силы влетает в проем. До меня только сейчас доходит, что комна-

та, где должен поселиться Трестен, временно занята мамой. Она перебралась туда, чтобы не делить одну кровать с отцом.

Дела плохи: родители почти не общаются, а если и решаются заговорить друг с другом, то происходит скандал все-ленских масштабов. Не верится, что мама и папа поливают друг друга грязью намеренно. Нет. Просто от злости говорят вслух все, что в голову придет.

Тот парень из Америки станет глотком свежего воздуха для нашей семьи и наверняка понравится маме. Она скучает по родной стране: по языку, менталитету. Мы все никак не может выбраться в Штаты: то не хватает денег, то появляются какие-то неожиданные проблемы. Три года назад мы уже собрались ехать, и тут вдруг у папы защемило нерв в пояснице. Он не смог не то что лететь, даже подняться с кровати. В итоге все остались дома ухаживать за ним.

Порой кажется, если бы мама была более уверена в своих решениях и не зависела от отца в финансовых и рабочих вопросах, то давно купила бы билет на первый же рейс из Барселоны в Чикаго. Родители познакомились там, в забегаловке «Тишь», где мама подрабатывала официанткой, когда заканчивала университет. У нее был план: после построить карьеру в рекламе. Однако ему не суждено было осуществиться, ведь на пороге «Тиши» одним вечером появился отец. Они сразу потерялись друг в друге. Спустя неделю они уже были готовы пожениться. Отец приехал в Чикаго на съезд рестораторов. Молодой амбициозный мужчина с огромным

желанием открыть свой бизнес, но только в родной стране, в Испании. Не знаю, как мама согласилась на переезд. Но сразу после университета она оставила Штаты и прилетела в Салоу.

Мама поверила в отца, когда у того было пусто в карманах. Она отправилась за ним с единственной целью – быть рядом и поддержать во всех начинаниях. Они начали с маленького бизнеса – открыли палатку с хот-догами неподалеку от «ПортАventura». И мама не давала отцу сдаваться. Не оставила его, даже когда дела были совсем плохи. А спустя несколько лет у них наконец-то все получилось. Ведь порой выигрывает не только тот, кто быстро получает желаемое, но и тот, кто умеет ждать.

Семейный ресторан «Перекресток сердец» существует уже десять лет, радуя туристов вкуснейшей испанской паэльей, американскими бургерами и десертами. Никто из родителей не говорил, но я знаю, что название несет в себе и скрытый смысл.

Ресторан – это монумент. Он – символ встречи, место, где пересеклись их сердца.

Мы с Абедем и Амадисом там частые гости. Иногда отец приглашает нас на ужин, и после учебы мы заскакиваем к нему. А в выходные остаемся на целый день, если нет большого наплыва людей.

От воспоминаний о ресторане, об ароматах блюд просыпается аппетит. Живот скручивает от голода – он издает зло-

вещее урчание. Со сном на сегодня покончено. Есть дела поважнее. Я поднимаюсь с кровати, быстро привожу себя в порядок и выскальзываю из комнаты.

— Мам? — стучу в дверь и, удостоверившись, что рядом нет отца, перехожу на английский. — Впусти свою розочку, хочу немного побыть с тобой.

Знаю, этот трюк сработает. Опираюсь на стену и жду. И все же это крайне необычно, что маме потребовалось так мало времени, чтобы влюбиться в отца.

Неужели сердце способно открыться человеку в одно мгновение? Со мной такого еще не происходило. Амадис не появился в моей жизни неожиданно. Он всегда был рядом с Абелем со времен вступления брата в футбольный клуб. Поэтому и я с ним часто виделась. Я много слышала об Амадисе от школьных подруг, Абеля и родителей, и он меня заинтересовал.

Ухаживать за мной он начал в середине десятого класса — завалился к нам домой, встал в дверном проеме и ждал меня, чтобы позвать кататься на роликах. Первое свидание закончилось нашим падением из-за его неуклюжести: я тогда разбила в кровь коленку, а Амадис порвал штанину. Вместо того чтобы плакать, я начала смеяться. Амадис прервал мой хохот внезапным и таким напористым поцелуем, что я ответила на него больше из любопытства, чем от желания. Можно ли считать нас парой? Пойдет ли один за другим до конца, как это сделали мама и отец? Я не знаю.

– Милая, – мама отвечает на английском, появляясь в дверном проеме, – проходи, конечно.

Я обнимаю маму и прохожу в комнату. Осматриваюсь и про себя ухмыляюсь: обои цвета фуксии. Кто знает, вдруг нашему новому соседу они приглянутся. Вторая стена, вся в пышных бутонах цветов, заставляет в этом усомниться. Розовые ковры на полу окончательно разбивают мои надежды. Трестену явно «понравится» интерьер.

Тревога зарождается внутри, когда я завожу с мамой разговор, который подведет к новости о новом жилье. Нужно рассказать про идею Абея и как вечером я осуществила ее. А это значит, что Трестен уже весь в сборах. Пойти первой к отцу страшно, поэтому я начинаю с мамы.

– У вас с папой тяжелый период?

Улыбка исчезает с маминого лица, во взгляде – разочарование и страх, и она отводит глаза. Подходит к кровати, хватает плед и нервно стелет его поверх одеяла.

– Крайне тяжелый, Бри. Видимо, мы устали друг от друга. Устали? Как она может такое говорить?

– Прости, мам, что вмешиваюсь, но при чем тут усталость?

– Милая, я не знаю, как по-другому описать, что между нами происходит. Мне надоели его ежедневные нравоучения, что и как делать. Не помню, когда в последний раз он приглашал меня на свидание, когда водил в ресторан, когда дарил подарки. Уже несколько лет Хуан даже к морю не

предлагал мне прогуляться.

– Мне казалось, он лишь давал тебе советы по управлению рестораном, – снова говорю я то, чего не следует. – Они в самом деле тебя обижают?

Мама избегает моего взгляда. Она поправляет спадающую на лицо челку и обмахивает руками лицо из-за жары.

– Дело не в этом, Бри. Я не получаю от него внимания, не чувствую себя любимой. Такое ощущение, что я работаю на твоего отца! Работаю!

Я неосознанно прикусываю язык и вздрагиваю. Мама считает, что нужна отцу как работник, а не как женщина. Вот в чем суть кризиса их отношений.

– Ты не представляешь, как мне надоели все эти отговорки: «У нас нет возможности поехать в Штаты сию секунду, следующим летом соберемся». Бри, – мама подсаживается ближе, – я скучаю по Америке. Твой отец – частичка моего американского сердца, потому что я уехала оттуда, когда влюбилась в его глаза, зовущие к морю. Я отдала свое сердце, и оно вырвалось из клетки, а сейчас потухло и будто снова заперто.

По ее взгляду ясно – мама влюблена в отца так же сильно, как и много лет назад. Ей просто необходимо от него больше внимания, ласки, теплоты и понимания. Папины чувства с годами немного притупились, он привык к обыденной жизни и забыл, каково это – ухаживать за любимой женщиной. Значит, нужно растормошить его. Я думаю, что в их жизни

просто необходим свежий ветер. И, возможно, этим ветром перемен станет приезд Трестена из Америки.

Что ж, пора поставить в известность маму. Она должна знать, что скоро в нашу жизнь ворвется незнакомый парень.

– Думаю, я знаю, как все исправить. Только сначала выслушай меня, мам, – прошу, ласково касаясь пальцами ее кисти. – Мне нужно сказать тебе кое-что очень важное.

– Абеля исключили из университета?

Она охает. Ее грудь вздымается от нахлынувшего волнения. Мама напрягается и прижимает руки к груди, косясь в мою сторону.

– Нет-нет, мам. Он еще не настолько отупел.

Она расслабляется.

Абель, конечно, иногда творит всякую ересь, но до отчисления из университета дело не доходит. Иначе одной проблемой стало бы больше, а их и так хватает. Настанет день, когда брату придется начать брать ответственность за свои поступки, но не сейчас.

– Так что за новость?

Я хочу сказать маме все прямо, чтобы это воспринялось как данность. Выдыхаю и с внезапно появившейся уверенностью говорю:

– К нам скоро приедет гость.

– Ребекка? – теряет мама.

Мама имеет в виду мою бывшую одноклассницу, которая к этой ситуации не имеет отношения. Хоть Ребекка и пере-

живает нелегкие времена из-за ремонта, к нам переехать для нее сродни самоубийству. Она терпеть не может Абеля из-за его дурацких шуток. И даже старается лишний раз к нам не заходить.

– Нет. Ребекка тут ни при чем.

– Тогда о ком ты говоришь?

– Мы с Абедем посоветовались, и я ответила приглашением на заявку. Помнишь, вы искали официанта?

На одном дыхании я выдаю всю правду. Тянуть ни к чему. Больше всего на свете я боюсь развода родителей, а не последствий этого признания.

– Что ты сделала? – Глаза мамы округляются. – Я же сказала снять это объявление!

Она вскакивает с места и начинает метаться по комнате, хватая ртом воздух. Мама запускает руки в свои темные волосы и поднимает их. Она похожа на какого-то безумного ученого, который только что провалил главное исследование в своей жизни.

Вместо того чтобы как-то успокоить маму, озвучиваю самый весомый для нее аргумент.

– Американец. К нам приедет американец!

Я встаю с дивана и восклицаю так громко, что мама замирает и сводит брови, осознавая услышанное.

– И что теперь делать? – На ней лица нет. – Как нам отменить это?

– Никак. Мам, у него вылет через несколько дней. Билет

на руках. Поздно что-то отменять.

– Как поздно? Санта-Мария! Его даже поселить некуда!

Мама шокирована. Она осторожно присаживается на край кровати и в растерянности качает головой.

– Бридли Ривьера, где мы, скажи на милость, должны его разместить? На своей голове, может быть?

– В этой комнате.

– Нет-нет! Нет. Я не вернусь к твоему отцу.

– Не отказывайся сразу, мам, – прошу ее выслушать меня. – Давай поговорим о плюсах, их много.

– Вот что ты придумала? – мама продолжает качать головой. – Какие тут могут быть плюсы?

– Например, стоит подумать о том, как вы будете справляться в сезон без дополнительных рук? – закидываю удочку. – Этот парень поработает, принесет ресторану прибыль. Может, тогда мы и сможем накопить на путешествие в Штаты. Как тебе такой плюс?

– Милая, такие решения не принимаются в одночасье. – Мама потихоньку приходит в себя. – Как ты не побоялась моей реакции? Как ты, в конце концов, не побоялась реакции отца?

– Мы с Абелем волнуемся за вас.

Вдруг замечаю ее дрожащие руки и в следующую секунду протягиваю маме стакан воды. Она залпом выпивает содержимое, отдает стакан и прижимает кулак к бледным губам.

– Но... Но...

В ее голосе слышится надлом, и он обрывается, словно ниточка. И я, глядя на маму, вижу в ней испуганного ребенка. Ребенка, который боится потерять свое счастье. В ее случае – любимого мужчину, нашего отца и шанс на совместное будущее.

– Я обещаю тебе, что все будет хорошо. Мам, это лучшее решение в нашей жизни!

– Как мы с твоим отцом будем жить в одной комнате?

– Как раньше, – добавляю позитива, – одной дружной семьей.

– Какой мы больше не являемся.

– Это сблизит вас.

– И в кого ты такая настырная? – хитро прищуривается мама. – Конечно же, в...

– В тебя! – не даю ей договорить.

– Не представляю, как мы это провернем. – Ее обескураженность немного пугает меня, но, когда разговор переключается на Трестена, она становится спокойнее. – А что ты говорила? Он американец?

– Трестен из Атланты.

– Сколько ему лет?

– Ровесник Абея.

– Что-то еще о нем известно?

Мама кажется заинтересованной.

– Я пришлю тебе его анкету, – подмигиваю ей, – он трудолюбивый и ответственный. То, что нужно.

– Ладно. Давай попробуем.

Я ликую! Все идет как надо. Я не ошиблась, когда отправила обратное письмо.

Мама дарит мне легкий поцелуй в лоб и шепчет:

– Спасибо, что помогаете нам с папой, таким дуракам, искать выход из лабиринта. Иногда самим сложно выбрать правильный путь.

– Главное, не расстраивайся, мам, – пытаюсь подбодрить ее, – все только-только начинается.

– Главное не мое расстройство, а чтобы твой отец не пришел в бешенство, узнав, что мы с ним не посоветовались. О, Санта-Мария! Убереги его от сердечного приступа!

– И нас от его гнева...

Глава 8. Я должна тебе рассказать

Бридли Ривьера

– Папа, – я окликаю папу у двери, – подожди.

Отец оборачивается. Взгляд недоверчивый, бровь выгнута. А когда он вопросительно дергает головой, я чувствую себя букашкой.

За все эти дни я так и не подошла к папе и не поговорила с ним, хотя обещала маме. Тянуть нельзя. Трестен прилетает завтра. Необъяснимая тревога предательски распространяется по телу.

– Что такое, Бридли?

– Ты спешишь в «Перекресток»?

Пытаюсь понять его настроение. Если отец держит путь на работу, то однозначно напряжен и сдержан. Если же собирается по другим делам, то стоит попытать удачу сейчас, чтобы новость о постороннем человеке в нашем доме не была сразу воспринята в штыки.

Отец устало потирает переносицу, хотя еще только час дня. Видимо, вчерашняя ссора с мамой заметно на нем сказалась: вижу это по поджатым губам и бледному цвету кожи.

– Да. У Ситии болеет ребенок, она все еще не вышла на работу.

– Можно с тобой? – упрощаю я его своим фирменным

приемом – выставляю кулак вперед, ожидая ответного жеста. Ждать долго не приходится: папа смягчается и соглашается взять меня с собой, отбивая кулачок в ответ.

– Поехали.

Отец стремительно выходит из дома, по пути хватая с комода кепку и натягивая ее на свою блестящую лысину. А мне требуется несколько секунд, чтобы взять с деревянного комода айфон и осмотреть себя в зеркале. Выгляжу не так уж и плохо, хотя спала всего пару часов.

Мурашки бегут по коже. Хватит ли мне сил признаться во всем папе? Он может разозлиться так сильно, что с гневом столкнусь не только я, но и весь ресторан.

– Бридли! – кричит он с улицы, подгоняя меня.

Я бегу к синему внедорожнику на трясущихся ногах, отсчитывая в голове, сколько минут осталось мне до смертной казни.

Единственное, что отвлекает от угнетающей атмосферы, – яркое палящее солнце. В Салоу уже жарко – конец мая все-таки. Люди всюю купаются. В планах на завтра – дойти до пляжа, развалиться там как тюлень и развеесться. А вечером... Вечером нас ждет шторм – приезд Трестена Райда.

– Включи мое любимое, – бросаю папе и указываю взглядом на дисплей, когда сажусь на переднее сиденье.

– Бридли, я тысячу раз говорил, что не могу слушать это мычание умирающих лебедей, которое ты называешь музыкой.

Я закатываю глаза и пристегиваюсь. Его ничего уже не изменит. Отец – достаточно жесткий и отстраненный человек, несмотря на все его хорошие качества. Да, он старается заботиться о доме и обеспечивать семью, но... Мне не хватает от него простого: «Как твои дела, Бри?». Хотя я и выросла, необходимость в заботе никуда не исчезла. Порой так хочется, чтобы отцовские объятия стали лекарством от всех невзгод.

Абелю, бесспорно, повезло больше. Папа всегда им интересуется, но это и неудивительно. Футболист, играет в команде региона на высоком уровне – как можно игнорировать такие успехи? А что я? Получившая травму и покончившая с фигурным катанием неудачница.

Когда я только начала выступать, прыгать тройные, он сказал маме: «Бридли занимается ерундой, мы должны прекратить потакать ее капризам и дать ребенку нормальную профессию. Она нужна в ресторане. Из нее выйдет хороший предприниматель. Чего она добьется своими акселями?».

Ничего не добилась. Он оказался прав. Его желание, чтобы фигурное катание поскорее исчезло из моей жизни, сбылось очень скоро – я слетела с ребра при заходе на риттбергер и жестко упала, в результате чего получила серьезную травму. После нее я ходила в гипсе два месяца и больше не вернулась на лед. Именно потеря любимого дела лишила меня счастья. На какое-то время я погрязла в учебе, которая не приносит никакого удовольствия до сих пор. Зато отец

стал относиться ко мне более-менее уважительно. Когда я по велению родителей поступила на экономический факультет, они ликовали. Все разговоры с отцом сводятся к перспективам в будущем. Он уверен, что сделает меня управляющей «Перекрестком», однако это совсем не мое желание. Я хочу узнать мир, побывать в разных странах, а работа в ресторане привяжет меня к Салоу. Жизнь в четырех стенах обеспечена.

– Если Сития не выйдет и в следующие выходные, тебе придется поработать за нее, Бридли.

Когда он обращается ко мне с этой даже не просьбой, а утверждением, я ошарашенно ахаю. В выходные никак не получится, и папа об этом прекрасно знает! Напрягаюсь каждой клеточкой тела. Поврежденное после травмы колено неприятно ноет.

– В смысле? – показываю все свое недовольство. – Я не могу, мне нужно делать проект. Я буду в библиотеке. Я же много раз объясняла, папа.

Отец, кажется, не принимает во внимание мои слова. Лишь прикуривает сигарету и, одной рукой ведя машину, уверенно смотрит вперед.

– У Абея тренировки, ему запрещено их пропускать. – По его спокойному тону несложно догадаться, кто любимчик в семье. – Ничего не случится, если ты один раз не сходишь в библиотеку.

– Нет, отец, – мотаю головой, тяжело вздыхая, – ошибаешься. Я работаю над проектом уже два месяца и не собира-

уюсь отходить от сроков его сдачи.

– Что ж, Бридли, тебе придется. Проект никуда не денется. В «Перекрестке» ты получишь намного больше практики, чем в этих бумажках.

Злость вскипает во мне. Даже ладони дрожат от такой несправедливости, а кончик носа и вовсе краснеет – замечаю это в зеркале заднего вида.

– И снова ошибаешься, папа, – нервно кашляю я, собираюсь с духом, чтобы рассказать ему правду.

– Бридли, – он выкидывает сигарету в окно и бросает на меня один короткий взгляд, лишенный всякого интереса, – сбавь обороты и не разговаривай со мной таким тоном.

– Да знаешь что?..

Я набираю побольше воздуха в легкие и раздуваюсь, как шар.

Хмыкаю и уже собираюсь начать, как вдруг в машине раздается громкий рингтон отцовского телефона. Папа берет трубку и лишает меня возможности рассказать ему все как есть. Я раздраженно откидываюсь на спинку сиденья и жду, когда он договорит.

– Ола! – отвечает отец на звонок.

Прежде чем продолжить что-то говорить, он, щурясь, косится на меня. Папа вдруг становится серьезным, и вид его подозрительно пуглив. Будто он боится, что я услышу что-то лишнее. С минуту он внимательно слушает собеседника, а потом тихо отвечает.

– Понял, – его брови хмурятся, – я перезвоню вам позже.
Отец откидывает телефон на сиденье. Взгляд у него бежит по дороге.

– Кто звонил? – любопытство берет надо мной верх.

– По работе.

Интересно, что там за работа такая, что при мне он не стал разговаривать.

– Понятно. А теперь я могу поговорить с тобой?

Папа тяжело вздыхает.

– У меня очень болит голова, Бридли. Давай потом.

Потом... Я обреченно закидываю голову на спинку и закрываю глаза в поисках спокойствия.

* * *

Отхожу от машины и на террасе издалека замечаю красную куртку Абеля. Он, раскинувшись, сидит на диване: ноги вальяжно расставлены, руки лежат на кожаной спинке. И пока я, оставив отца разбирать багажник, медленным шагом двигаюсь к брату, мысли о возможном срыве поездки в выходные разъедают изнутри.

Эти дела точно **нельзя** вычеркнуть из жизни, нет. А если это произойдет, то жизнь безоговорочно **вычеркнет и меня**.

– Привет, гном, – встречает Абель с полуулыбкой на лице. Я облизываюсь, замечая на столе бургеры и хот-дог. Абель

уходит на второй план, ведь в поле зрения появляется еда.

– Угостишь?

– Бери.

– Я здесь, чтобы рассказать все наконец отцу, Абель. Хотя, может, это сделаешь ты? Почему я постоянно попадаю под горячую руку?

Абель усмехается и хватает бургер.

– Ты лучше справишься. Я, как всегда, все испорчу.

– А по-моему, это ты из нас двоих любимчик, и тебе всегда все сходит с рук, Абель.

Я тяжело выдыхаю и беру хот-дог. Хочется откусить кусок побольше и заесть образовавшееся в груди неприятное чувство бессилия.

– М-м-м, – прикрываю глаза от блаженства: хот-дог невероятен. – Как вкусно!

– Знал, что тебе зайдет. Равиль готовил.

У Равиля золотые руки. Обожаю нашего шефа. Он – невероятный повар и потрясающий человек с хорошим чувством юмора. С ним никогда не бывает скучно! И Равиль постоянно балует меня вкусными пирожными, зная, какая я сладко-ежка.

– Смотри не подавись, – бросает брат, посмеиваясь над тем, как жадно я поглощаю еду.

– И тебе приятного аппетита, Абель, – бурчу я с полным ртом.

– Я не один здесь, кстати.

Эта фраза совершенно не удивляет, ведь в следующую секунду я вижу приближающегося к столу Амадиса. Он, в синей футболке с логотипом их с братом футбольной команды и светлых джинсах, выглядит совсем не свежо. Амадис потрепан, волосы в беспорядке торчат во все стороны, одежда мятая, щеки слегка покрасневшие. Он идет с поля?

– У вас была тренировка? – интересуюсь я у Абеля, пытаюсь понять, какого настроения ждать от Амадиса.

– Тренировочный матч. К нам приехали «Сутулые», и Кабальеро надрал им зад.

– Почему вы зовете команду «Элефантов» сутулыми?

В следующую секунду Амадис уже настигает нас и плюхается на диван рядом со мной. Абель скрючивается, передразнивая соперников, и отвечает:

– Они смотрят только себе под нос. Прямо как поисковые собаки.

Амадис смеется и дает Абелю пять.

– Сутулые! – выкрикивает Амадис.

– Не хочешь со мной поздороваться? – дожевывая, спрашиваю его. – Братву на девушек не меняют? Или как вы там любите говорить?

– Естественно, – вступается за друга Абель, а я в шутку угрожаю ему сердитым взглядом.

– Привет, малышка.

Амадис оставляет быстрый поцелуй на моих губах и следом со скоростью света хватается последний кусочек хот-дога

с тарелки. Так быстро, что я не успеваю возразить.

– Эй! – легонько ударяю его локтем в бок. – С тебя еще одна порция.

– Так я взял маленький кусочек.

– Ты отнял значительную часть, которая не попала в мой голодный желудок. Требую добавки.

Абель лишь пожимает плечами, когда Амадис кидает на него вопросительный взгляд. Я знаю их наизусть. Амадис пытается спросить, что делать, но Абель демонстративно ретируется – разбирайся сам.

– А что ты здесь делаешь, крошка? – озаряет Амадиса.

– Прекрасная попытка сменить тему, – хихикаю я, – если ты думаешь, что я забуду про вторую порцию, то глубоко ошибаешься.

– С меня еще и картошка.

– Обещаешь?

– Да. Иначе, боюсь, ты съешь меня. Хотя... я даже не против. – Амадис подмигивает, и Абель начинает наигранно кашлять. Он не терпит наших нежностей.

– Не при мне! – громко восклицает брат.

Хочу показать ему средний палец, но сдерживаюсь.

Амадис в ожидании ответа пристально оглядывает меня с ног до головы. Кабальеро слишком непреклонный и местами властный, всегда дождется развернутого ответа на свой вопрос.

А я не знаю, с чего начать, потому что боюсь его реакции.

Как только Амадис услышит мужское имя и соседнюю комнату в одном предложении, мне и Абелю точно не поздоровится.

Ревность поглотит Амадиса. И прощайте, все его спокойные ночи, уничтоженные осознанием того, что рядом со мной будет крутиться мужчина.

– Я здесь с отцом, чтобы рассказать ему о нашем новом работнике и жилье дома. Завтра он приезжает, – с трудом договариваю последнее слово.

– Ты имеешь в виду работницу? – Амадис напрягается всем телом: его желваки дергаются, нога выстукивает по полу рваный ритм, а кулаки сжимаются.

Я гляжу на брата, ища поддержки, но он молчит как партизан, вновь оставляя меня разбираться с нашими общими проблемами.

– Бри, – Амадис зол, – работник? Или какой-то левый парень?

– Тише, – шепчу ему, пытаясь взять его за руку, – не привлекай лишнего внимания.

– Да мне плевать! – Он едва не ударяет по столу, вжимая кулак в столешницу. – Как ты, черт возьми, смог это допустить, Абель?

– Остынь, – отвечает брат, – ничего не произошло.

– Может, мне в таком случае подселить к себе мулатку?

Я закатываю глаза. Раздражает.

– Амадис, уверяю тебя, ничего не случится. Он всего

лишь поработает здесь, поможет родителям. Мы даже не будем пересекаться.

– Не будете пересекаться, живя в одном доме? Ты это пытаешься мне сказать?

– Не кипятись, – я двигаюсь ближе к Амадису, – я же с тобой рядом.

– В конце лета я поговорю с твоим отцом, Бридли, – шепчет он мне на ухо, чтобы брат не услышал, – по поводу того, чтобы мы съехались.

Я давлюсь слюной и начинаю кашлять. Воздуха вдруг становится слишком мало, и я резко вскакиваю с места, делая пару шагов от стола. Что? Съехаться? Я... я не думаю, что готова к этому.

– Ты в порядке? – спрашивают они одновременно, как близнецы.

Даже странно, что они не родные братья, все-таки Амадис вписался бы в этот семейный круг лучше меня. Хотя... кто бы тогда разруливал проблемы? В компетенцию этих двоих такой навык точно не входит.

– Я пойду прогуляюсь, – отвечаю им и поспешно двигаюсь к выходу. Мне необходимо освежиться после услышанного.

Съехаться с Амадисом означало бы перейти на новый этап отношений. За ним последуют предложение, кольцо и семейная жизнь. В восемнадцать лет... Не уверена, что мне нравится эта перспектива. Я хотела бы попутешествовать и побыть свободной, чтобы ни от кого не зависеть. Почувство-

вать себя вольной птицей, вне всех этих преград и барьеров.

Так не хватает чувства невесомости и возможности в один день улететь куда глаза глядят... Насладиться тем, что в незнакомой стране тебя никто не знает, что от тебя ничего не ждут и что ты предоставлен самому себе. Я хочу испытать все это. Жизнь в рамках убивает мечты. Что будет, если отодвинуть эти рамки? Что там за их границами?

Я хотела бы знать.

Сейчас, когда гляжу на перекатывающиеся волны, к горлу подступает ком. Море волнуется. Бушует.

Я не могу найти себя, не могу понять, кто я на самом деле и чем должна заниматься по жизни. И из-за этого появляется ощущение безликости.

– Эй, малышка, – Амадис появляется у меня за спиной и обнимает за плечи, – все в порядке?

Киваю.

– Ты странно отреагировала на мои слова.

Эта его ужасная привычка – по сто раз мусолить все разговоры и анализировать каждый жест. Ненавижу.

– Честно сказать, меня напугало твое предложение. Я не готова к таким переменам, Амадис.

Он обходит меня и встает прямо напротив. Наши ладони соприкасаются, и я ощущаю тепло его мягких рук.

– Значит, я буду ждать момента, когда ты скажешь, что готова.

Амадис целует мой лоб.

– Поцелуй еще раз, – прошу я, прикрывая глаза.

На этот раз его губы находят мои, и я не спеша отвечаю на поцелуй. Морской прибой, прикосновения Амадиса и бодрящий бриз превращают этот вечер во что-то приятное.

Пара минут, и мы отстраняемся друг от друга, пытаюсь продлить удовольствие от момента.

– Вернемся к Абелю или еще чуть-чуть посидим? – спрашиваю, нежно поглаживая его шею.

– Твой отец сказал, что почти доделал все дела и вы скоро поедете домой. Клянусь, если бы не эти его слова, я бы ни за что не отпустил тебя, Бри.

– Приятно слышать...

Через полчаса мы прощаемся с Амадисом и забираемся с братом в машину. Я пытаюсь начать разговор с отцом второй раз, но он продолжает, как обычно, переводить беседу на свои темы. Абель всем видом демонстрирует, что это бесполезная затея, но я все же делаю третью, снова тщетную, попытку.

– Пап, может, выслушаешь меня? – стараюсь перекрыть радио.

– Мы поговорим о тебе, Бридли, но сначала я должен узнать, как прошла тренировка у Абеля.

И опять все по кругу. До меня снова не дойдет очередь, тут нечего даже думать.

– Окей. Только потом не злись.

И они погружаются в затяжной диалог о болячках, во-

ротах, нападающих и тому подобном. Я особенно не вникаю. Неинтересно. Вот только мы уже подъезжаем, а папа по-прежнему ни о чем не догадывается. Мне необходимо рассказать ему обо всем до завтрашнего дня.

– Пап...

– Да что тебе весь день от меня нужно?

Я не успеваю заговорить, мы слишком быстро выбираемся из машины и оказываемся у крыльца. Оно забито чужими вещами. Чей-то чемодан стоит прямо у ступенек, чуть дальше лежит рюкзак. Неужели Трестен приехал на день раньше? Нет, этого просто не может быть...

– Это еще что такое? – гневно произносит отец.

Ноги становятся ватными. И я не знаю, куда бежать.

Глава 9. Ну, привет

Бридли Ривьера

Сердце уходит в пятки. Живот скручивают нервные спазмы.

– Бри? – с недоумением окликает меня Абель.

– Я тут ни при чем, – тихим голосом бормочу в ответ, – он должен был приехать завтра.

– Тогда какого фига он уже здесь?

Абель напрягается и, кажется, сильно нервничает. Он поправляет майку, дергает плечами и хмурится. Мы одновременно переводим взгляд на отца. Колени предательски дрожат. Отец хватается за ручку и распахивает дверь. Секунды, пока дверь открывается, для нас с Абелем кажутся вечно­стью перед смертной казнью.

– Что сейчас будет? – ищу поддержки от брата, но он, как испуганный котенок, мнется на крыльце.

– П...

Спотыкаюсь на ступеньке. Ноги не слушаются. Пока отец снимает ботинки в коридоре, я прокручиваю в голове все возможные варианты развития событий. А потом представляю реакцию мамы. До жути любопытно, как она восприняла приезд Трестена. Мама попала под удар – первой встретила его.

Судя по негодующим возгласам отца, похоже, Трестену совсем скоро придется бежать в авиакасса за обратным билетом.

– Бридли! – восклицает отец. – Что происходит в доме? У нас теперь вокзал или аэропорт?

Закусываю губы и тоже начинаю злиться. Злюсь на Трестена, который именно сейчас оказался в нашем доме. Злюсь на папу за то, что ведет себя как обиженный на жизнь старик. Злюсь на Абея. Злюсь на себя за то, что позволила всему этому случиться.

Когда мы наконец доходим до кухни, видим неожиданную картину. С одной стороны барной стойки сидит мама, с другой – Трестен, уплетающий сэндвич.

Он абсолютно не такой, каким я его представляла. Значительно выше Амадиса и Абея. Аспидно-черные волосы аккуратно пострижены. Его скулы как острие ножа. Взгляд больших глаз направлен на нас с отцом. Я осознаю, что пляжусь на Трестена, но не могу оторваться от их цвета. Подхожу ближе, чтобы разглядеть. Ого! Янтарные. Они переливаются на свету: отливают то золотистым, то оранжевым. И, помимо Трестена, такой оттенок я видела только у одной своей приятельницы...

Надо бы представиться, но рот превратился в пустыню.

Трестен встает со своего места и как ни в чем ни бывало делает шаг в нашу сторону, оставляя маму позади себя.

– Вы кто? – От баса отца я вздрагиваю.

Парень молчит всего несколько секунд, а затем, прочищая горло легким кашлем, выдает:

– Трестен Райд.

Он оглядывает меня с ног до головы и ухмыляется моей нервозности. Сложно сохранять спокойствие, когда этот высокий нахал без стыда заваливается в наш дом раньше положенного. Он не должен был разрушить мой план! Я не успела предупредить и подготовить отца. Сердце раскаляется в груди от гнева. Надеюсь, хотя бы брат выглядит увереннее, чем я, но это не так. Абель ошеломлен.

Отец тяжело вздыхает и, покрываясь капельками пота, словно иголками, медленно распрямляется, возвышаясь над всеми нами.

Из рук мамы падает ложка и звонко приземляется на кухонную плитку. Я съеживаюсь, и Абель, стоящий в конце коридора, делает то же самое. Мы не знаем, как себя вести.

Трестен Райд смог удивить всех своим появлением.

Мы ждем реакции отца. И только Трестен спокоен.

– Вы кто? – повторяет отец.

Папа идет к Трестену. Я переглядываюсь с мамой, и она упирает руки в бока. В следующую секунду она, как адвокат, уже закрывает Трестена своей грудью.

– Хуан, – влезает мама, – сбавь тон и расслабься.

– Не вмешивайся, Памелла!

– Это Трестен Райд, новый работник «Перекрестка» и наш жилец. Три месяца он будет работать и жить у нас.

И это не обсуждается, Хуан! Мы не отправим его домой после такого долгого пути, он преодолел огромное расстояние, чтобы добраться к нам из Америки.

– Ну конечно, Америка... – бормочет сквозь зубы отец. Кажется, само это слово окончательно доводит его до точки кипения. Я ощущаю, как прилив гордости за маму вдруг заполняет душу. Она – герой. Сегодня она произвела фурор. Абель бесшумно хлопает в стороне, оперевшись о стену.

– Спасибо, миссис Ривьера, но я сам могу говорить за себя, – вклинивается в разговор новый житель нашего дома.

Хоть бы один мускул дрогнул на его лице после такого противостояния с папой, но нет. Он непоколебим. Я чуть не открываю рот от свободно льющейся испанской речи. Где Трестен мог так выучить язык?

– Я ни с кем не собираюсь разговаривать. Это решение было принято без моего согласия. – Отец обрубает разговор на корню.

– Вам следует ввести меня в курс дела, сеньор Ривьера. Нам еще три месяца работать вместе.

Папа поражается такой наглости, но мне она нравится.

– И чем раньше вы это сделаете, тем лучше.

– Как ты смеешь, мелкий сучонок?!

Трестен ухмыляется, но улыбка не надменная, а очень естественная и уверенная.

– Повेशливее, – поправляет отца Трестен.

– Выметайся вон!

– Прекрати, Хуан! – вскрикивает мама. – Разве такому гостеприимству нас учила твоя мать? Не по-мнишь, что она твердила мне в первый год, когда я сюда переехала? А я на-помню, дорогой. Каждый ее приход приравнивался к появлению Педро Санчеса. Я должна была чуть ли не красный ковер перед ней расстилать.

Сравнение бабушки с премьер-министром Испании вызы-вает смех. Абель смеется в углу комнаты, а я тихонько хихи-каю. Действительно, бабушка хорошенько потрепала нервы маме. Я до сих пор помню, как мама убирала весь дом и го-товила тысячу блюд перед ее приходом.

Отец нецензурно выражается. Испанский мат колоритный и звучный, но больше мне нравятся американские фразочки, которым меня втайне учила мама.

«Мало ли, в жизни может пригодиться», – шутила она.

Я перевожу взгляд на Трестена, который смотрит на все это с абсолютно каменным выражением лица. У меня пере-хватывает дыхание. Он совершенно безразличен к скандалу, который возник из-за него.

– Чего молчишь, Хуан? Нечего сказать?

Взгляд отца походит на две красные точки, которые, как лазерные лучи, пронзают каждого стоящего в комнате. Он хочет заставить нас испытывать чувство вины.

– С меня хватит, Памелла!

Это финал. Отец бросает ключи от машины на стеклян-ный стол. Сильный, властный и гордый мужчина вместо

здоровой оценки ситуации покидает комнату как обиженный ребенок.

После нескольких секунд молчания мама все же решает сказать пару слов, и я, обмениваясь с ней взглядом, не вижу следов печали или злости на ее лице. Она более чем спокойна и, кажется, не собирается ругать нас с Абелем.

– Не обращай внимания, Трестен, – мама переходит на английский, – у нас в семье и не такое происходит. Привыкнешь.

Она хлопает его по спине, и я отмечаю про себя, что за время нашего отсутствия они успели найти общий язык.

– Абель, подойди.

Притаившись, наблюдаю, как мама знакомит Трестена и Абеля. Нервничаю, потому что скоро она перейдет к знакомству со мной. А я совершенно не представляю, как именно сложится это знакомство. Ведь, учитывая привычку Абеля избегать ответственности, именно я оказалась тем человеком, из-за которого Трестен здесь. И теперь я в ответе за него.

– Абель футболист, – начинает мама, – он играет в молодежной сборной и делает большие успехи. Параллельно учится в Политехническом университете на факультете статистики и оперативных исследований. Я думаю, вы поладите. Абель хоть и с характером, но как друг – на вес золота.

Я хмыкаю и еле заметно киваю в знак согласия. Я сбилась со счета, сколько раз брат вытаскивал задницу Амадиса из

дерьма. Тысячу? Миллион? Абелю действительно нет цены в дружбе. Вот только мне он не помогает, почему-то игнорируя мои проблемы.

Трестен молча слушает, прожевывая уже который сэндвич. Видимо, еда его интересует гораздо больше.

Абель с Трестеном жмут друг другу руки. После выходки отца этот жест кажется самым дружелюбным за последние полчаса.

– Обращайся, если что, – бросает Абель и отходит.

– Обращусь, – Трестен дожевывает и продолжает, – если что.

Он насмехается?

– Абель, тебе положить мясо с подливкой? – разряжает мама атмосферу.

– Я бы тоже не отказалась, – вклиниваюсь я в разговор, – Амадис сегодня накинулся на мою еду, как голодная собака.

– Конечно, садись, милая. Как раз познакомитесь с Трестеном поближе.

– Нет, мам, я пойду к себе. Хочу отдохнуть, завтра еду в библиотеку готовить проект.

Мама громко цокает языком и взмахивает руками. О да, сейчас начнется мой любимый разговор о том, что я трачу время не на то. Но если бы она только знала... Если бы она хотя бы догадывалась...

– Почему бы тебе не забить на этот проект? Он что, принесет дополнительные деньги?

– При чем здесь деньги? Я уже говорила, что не собираюсь это обсуждать.

– Заработок – одна из самых важных частей жизни, Бридли.

Я вытягиваю губы трубочкой от недовольства и морщу лоб. Такие разговоры отталкивают. Из-за них я и чувствую, что родители не понимают меня.

Мама хочет продолжить тему, но осекается, когда замечает недовольство на лице нашего нового жильца.

– Деньги – полное фуфло, – коротко бросает Трестен и встает из-за стола, отодвигая стул. Он берет тарелку, резко ставит ее в раковину и проходит мимо мамы.

Мы все удивляемся этой реакции, даже Абель, стоящий у микроволновки.

– Деньги не лекарство от всех проблем.

В душе я полностью согласна с ним. Деньги не лечат, а иногда даже причиняют боль.

– Трестен, ты куда? Не доел ведь! – кричит мама ему вслед, но я понимаю – уже поздно.

– Спасибо за ужин, Памелла. Все было на высшем уровне.

Проходя мимо меня, Трестен останавливается. От него исходит древесно-мускусный аромат, я ощущаю его терпкость. Запах насыщенный, играющий.

– А у тебя, я так понимаю, регалий нет?

– Что ты имеешь в виду? – За спиной я уже точу невидимый нож.

Трестен долго не отрывает взгляда от меня. И это начинает пугать.

– Так что? – не выдерживая, повторяю вопрос.

– Серая мышка, которая делает все, что ей говорят другие? – шепчет он на расстоянии нескольких сантиметров.

Трестен задевает за больное. Он рвет струны воображаемой гитары, которую я упорно настраивала многие годы.

– Да как ты смеешь вообще?

Рука так и тянется залепить ему пощечину, но присутствие мамы и Абея не дают. Клянусь, если бы никого не было на кухне, Трестен Райд получил бы.

– Попал в яблочко?

Он подмигивает мне и проходит мимо. Теперь спектакль точно заканчивается. И начинается другой. Полный мести и ненависти.

– Трестен, подожди, – окликаю его, когда он встает на первую ступеньку лестницы, – не споткнись ночью, светильник барахлит.

Я точно знаю, в какое время сегодня выключится свет на лестнице и кто покатится как снежный ком вниз. Захотел войны? Будет ему война.

– Вот идиот! – выдыхаю, когда Трестен скрывается на втором этаже, и мы остаемся втроем.

– Хороший мальчик, Бри, зачем ты так сразу?

«Если бы ты только слышала, мама».

Абель смеется. Ведь он стоял ближе, чем мама, и, похоже,

разобрал слова Трестена.

– Мам, да он настоящий принц, как бы в тыкву не превратился к концу истории.

Я грозным взглядом осаживаю брата, беру со стола банку спрайта и решаю пойти к себе. С меня хватит на сегодня переживаний.

– Принц, если только снаружи, – отвечаю Абелю, – а в мозгах тыква.

– Ты поосторожнее с ним, гном. Меньше всего нам нужны ссоры.

– Я не собираюсь ни с кем ссориться, Абель, но пусть ведет себя вежливее.

Ухожу в комнату и запираюсь. Добро пожаловать в сказку, Бридли! В ту, где ты встретила наглого принца и тебя прозвали серой мышью.

Глава 10. Один страх на двоих

Трестен Райд

Сумка летит на кровать и приземляется мимо нее, громко падая на пол. Промохнулся. И не только с вещами, но и с жильем.

Поначалу мне было все равно, где жить и с кем, но после скандала разочарование отдает горечью на языке. Это семейка эмоционально неуравновешенных. Все как на подбор: дядька с раздутым до небес эго, парень, у которого язык к земле прирос – не может защитить собственную мать, и... мышка.

Мышка со светлыми густыми волосами. Вцепилась своими мерцающими глазами в меня и не отводила взгляд весь вечер. Затылком чувствовал, как она сканирует каждое мое движение.

Я сожалею, что грубо обошелся с ней. Не стоило говорить в таком тоне, да еще и подобные слова. Я ничего не знаю о Бридли, но уже позволил себе сказать об отсутствии у нее достижений. И все потому, что перелет вымотал, голова раскалывалась, и к такой экспрессивной встрече я не был готов. Лицо Хуана горело от злости. Он будто был категорически против моего приезда.

Думаю, теперь она меня так просто в покое не оставит.

«Мышка» задела Бридли. А что делают мышки, когда их обижают? Забиваются в угол и готовятся к нападению. Не удивлюсь, если Бридли в один момент испортит все мои планы и влезет куда не надо. С ней надо быть осторожнее.

– Трестен?

Не успел войти, как уже кто-то стучится в дверь. Я поспешно открываю и встречаю Памеллу.

– Я принесла постельное белье. Позволишь помочь его поменять?

Единственный адекватный человек в этом доме – Памелла. Не истерила, когда увидела меня, не стала заваливать вопросами. Впустила в дом, сказала располагаться и стала сутиться и готовить еду. Я не мог и предположить, что через час в доме окажется вся семейка и разразится скандал. Похоже, кроме Памеллы и Мышки никто и не знал обо мне.

– Да, – впускаю Памеллу, – конечно. Спасибо.

– Со мной можно менее официально. И никаких «миссис»!

– Понял.

– Я принесла серое белье. Фиолетовое тебе наверняка не понравится.

– Мне все равно. Подойдет любое.

Комната, которую мне отвели, невероятно красочна! Настолько, что при виде бутонов роз на одной стене и розового ковра на другой начинает подташнивать. Кто жил здесь до меня? Мышка? Не похоже, что она любит розовые оттенки.

Одета она была невзрачно.

– Ковер можем убрать, но вот обои не переклеить, – она пожимает плечами. – Попробую что-то придумать, чтобы тебе было комфортнее.

– Спасибо и на этом.

Она удивляется простому проявлению вежливости. Неужели ей нечасто такое говорят?

– Не за что! Если тебе что-то понадобится, обращай ко мне. Ночник в коридоре и вправду барахлит, но ты посильнее нажимай на кнопку, тогда свет включится.

– Окей.

– И не обращай внимания на Хуана. Он остынет, но тебе придется привыкнуть к излишне эмоциональному испанскому темпераменту.

Памелла ищет оправдания – она хочет доказать, что ее муж не такой монстр, каким показался вечером. Но его, вероятно, не исправит даже могила.

Она вручает стопку белья и одаривает меня искренним и наполненным жизнью взглядом.

– Добро пожаловать в семью, Трестен!

– Пожаловал.

Ее тихий смех созвучен с голосом мышки. Мышка не в отца. Она в мать.

– Да, и еще...

Памелла подходит к кровати и начинает застилать ее, хотя я не прошу.

– М?

– Откуда у тебя хорошее знание испанского?

– Испанский в школе был обязательным вторым языком.

Моя м-ма... – запинаясь на болезненной теме. Не понимаю, как мне теперь представлять маму другим. Как маму или как Эмбер? – Вдобавок моя мама заставляла ходить на курсы. И в классе я прекрасно ладил с мексиканцем. Диалект другой, но практика все же была.

– Ничего себе! Звучишь ты местами лучше меня, хотя я здесь прожила двадцать лет.

– Спасибо, – улыбаюсь уголками губ, – думал, все намного хуже.

– Нет-нет! – возражает Паммела. – Я хочу попросить тебя кое о чем.

– Попросить?

– Да, – начинает она, – я безумно соскучилась по американскому английскому. Может быть, мы могли бы на нем разговаривать?

Я незамедлительно перехожу на английский, и Памелла воодушевленно улыбается.

– С удовольствием!

– Ох! – Памелла громко выдыхает и продолжает говорить уже на английском. – Я думала, сойду с ума от количества испанского в жизни. Спасибо! Я так скучала по родному языку.

– Обращайтесь, – хмыкаю я.

– Утром я не успела спросить. Есть ли у тебя предпочте-

ния в еде?

– Вы собираетесь для меня готовить? – удивляюсь я.

– Да, ты ведь теперь почти что член нашей семьи.

– Не стоит, я сам буду покупать еду.

– Перестань! – хмурится Памелла. – Я приму это за оскорбление.

Неловкость повисает в пространстве. Их семья не должна меня кормить.

– Спасибо.

– Ты подумай и завтра мне скажешь, что любишь, а что нет.

Доброта Памеллы и ее радушие кажутся мне такими невозможными, но в то же время по-настоящему необходимыми.

– Хорошо.

– Все, теперь я ухожу. Ты устал с дороги. Отдыхай! Если понадобится что-то, зови!

– Доброй ночи, Памелла.

Я закрываюсь. Выключаю свет и наконец вдыхаю полной грудью. Хочу прочувствовать момент одиночества от кончиков пальцев до макушки.

Я здесь. В Испании. На шаг ближе к цели.

И это начало большого пути навстречу моей матери.

Вместо того чтобы разбирать вещи, я без сил падаю на кровать. Запах чистого белья щекочет ноздри. И это последнее, что я чувствую перед тем, как проваливаюсь в сон.

Туман расстилается над городом, окутывая Салоу темным покрывалом. Ночь настигает жителей и обрушивается на них ярким звездным небом. Где-то вдалеке слышатся звуки фламенко. Кто-то с упоением ласкает гитарные струны, позволяя городу затрепетать в предвкушении кульминации. Мелодия все отчетливее раздается в ушах – в этой музыке столько жизни, что хочется верить – еще не все потеряно.

– Трестен? – слышу незнакомый голос над собой.

Я поднимаю голову и замираю. Небо в яркую крапинку, оно устлано звездами, и сияет просто фантастически.

Горячий песок обжигает ноги, и кровь моментально разносится по всему телу. Я вздрагиваю, когда разгоряченных ступней касается морская волна.

Силуэт женщины – прямо напротив. Она стоит по колено в море и в упор смотрит на меня, ни на секунду не отрывая взгляда. Она зовет к себе, но мои ноги прикованы к золотому песку.

– Трестен! – Ее голос требователен. – Мальчик мой, пойдди.

Губы сомкнулись словно на замок. Единственное, что может заставить меня вымолвить хоть слово, – это смерть.

– Как давно я тебя не видела, – с каждым произнесенным словом ее силуэт становится прозрачнее и прозрачнее.

– Как ты изменился, как возмужал...

Кто ты? Кто ты такая?

– Я по тебе очень сильно скучала.

Я тебя не знаю.

– Помнишь, что я подарила тебе, милый?

Я быстро моргаю, чтобы образ женщины стал ярче, но это не работает. Она исчезает у меня на глазах. Срываюсь с места и бегу к ней, сопротивляясь холодной воде, разлетающейся брызгами в разные стороны.

– Подожди! – вырывается из меня. – Скажи еще что-нибудь!

От нее остается лишь размытая картинка. Ноги дрожат от напряжения, и я делаю последний шаг навстречу. Мне удастся схватить ее за плечи.

– Ты – моя мать?

– Береги монетки. Они дороги моему сердцу.

Она исчезает. Пропадает, как мираж в пустыне. А я остаюсь один в море, без спасательного круга.

Хочу вдохнуть побольше морского бриза, но вместо этого грудная клетка сжимается. Я начинаю задыхаться.

Ее янтарные глаза похожи на мои. Они мелькают, как картинки из цветной киноленты передо мной. Они темнеют. Когда я делаю последний вдох, они и вовсе приобретают черный цвет.

«Береги монетки. Они дороги моему сердцу».

Проходящий по всему телу электрический разряд ударяет

в меня всего раз, но с такой силой, что я подскакиваю на кровати. Мне страшно. Кошмар был настолько живым, что еще несколько минут в нем, и я не смог бы отличить сон от реальности.

– Монетки... – проговариваю шепотом засохшими губами.

Касаюсь ладонью своей голой груди и ощущаю пустоту. Я так и не повесил эти монетки на шею.

В комнате сумрак. Я подсвечиваю мобильником путь к двери и двигаюсь вперед. На айфоне десять пропущенных звонков и тринадцать сообщений от мамы. Надо было написать ей по прилете.

«Ты где?»

«Ты приземлился?»

«Почему не берешь трубку?»

«Трестен, позвони мне! Я переживаю!»

Мельком просматриваю сообщения и бью себя тыльной стороной ладони по лбу.

Отвечаю маме и обещаю вскоре перезвонить.

В горле такая засуха, что я решаю спуститься на кухню за водой. Оставляю телефон и выхожу. В коридоре темно. Одним нажатием на выключатель пытаюсь заставить работать светильник, тот самый, о котором говорили Памелла и Бридли. Дебильное устройство! Ничего не выходит. Пытаюсь включить его до тех пор, пока это не приводит меня в бешенство.

Прижимаюсь грудью к приоткрытой двери, откуда растекается пятно тусклого света. У кого-то включен ночник. Слышу сбитое дыхание Мышки и заглядываю в комнату. Она ворочается на постели и тихо постанывает в подушку.

Тихоня, оказывается, вовсе не скромная мышка. Я ухмыляюсь, и улыбка растягивается на пол-лица. Завтра будет о чем ей напомнить.

Ее волосы цвета лунного месяца покорно лежат на подушке, руки обнимают одеяло, которое обвивает, подобно лиане, ее ноги. Мышке явно снится что-то очень приятное.

Я не вижу выражения ее лица, потому что свет падает на другую часть комнаты, однако звуки, что я слышу, подсказывают, что сон фееричный.

Бридли не так проста, какой кажется на первый взгляд.

Бридли Ривьера. Смакую ее имя. И будто кто-то вдруг думает за меня: «В ее душе суровая зима и вянут розы, а сердце хочет вечного лета и бескрайних цветочных садов».

Оставляю ее одну и с трудом спускаюсь по лестнице. Дурман сна еще не сошел. Я слишком много думаю о родной матери наяву, вот подсознание и выдает сцены с ней.

– Эй, не спится? – Чувствую толчок в спину.

– Не спится, – отвечаю так же сухо.

А вот и парень, у которого нет права на голос. Папенькин или маменькин сынок.

– На новом месте всегда так.

– Может быть.

Абель подносит к губам электронную сигарету и затягивается. Через мгновение дым пролетает мимо. Я с презрением отношусь к этим чертовым дулькам. Никотин помогает отвлечься только в первое время, позже – уничтожает то, что от тебя осталось. Смысла в нем никакого, разве что скорая смерть.

– Не куришь? – Он протягивает электронку.

– Нет.

– Надо бы кое-что обсудить за сигаретой, – произносит Абель с серьезным видом. Хочется рассмеяться от этого зрелища.

– Ну?

– К моей сестре не приближайся, – начинает он. – Бридли в отношениях, и у нее все прекрасно. Не смей туда лезть, окей?

Я в голос смеюсь, похлопывая рукой по деревянной стене. Вот уж встреча на первом этаже в два часа ночи. Что за бред он несет? Никотин в голову ударил или что посерьезнее?

– Не лезть к Мышке? – я насмехаюсь над ним в открытую.

– Ты слышал, Трестен. Лучше к ней не приближайся, иначе...

– Иначе что? – перебиваю я Абеля и подхожу ближе.

– Иначе лишишься комнаты.

Дебил. Настоящий дебил.

– Ты тупой или притворяешься? – спрашиваю его.

– Я тебя предупредил.

Он разворачивается и уходит, скрываясь за лестничным пролетом. А я остаюсь смеяться в холле.

Интересно выходит. А Мышка-то ценное сокровище в этом доме.

Глава 11. Одинокий волк

Бридли Ривьера

Дождь мелкими каплями падает на кожу. От прохлады по телу распространяется мелкая дрожь. Это была плохая затея – надеть короткий топ. Однако после ссоры с Абелем не хотелось ни секунды задерживаться дома. Я просто не нашла другого выхода, кроме как в слезах добрести до пустой детской площадки.

Уже третий час я одна качаюсь на качелях. Они поднимают меня выше и выше, а удары сердца сливаются с битом, раздающимся в наушниках.

Раз и два.

Три и четыре.

В сумраке Салоу я устремляю взгляд на полумесяц, загадочно покоящийся в темном небе. Как же хорошо. Нет трескотни родителей и язвительных комментариев Абеля.

Достигаю дзена и погружаюсь в собственные мысли. Обожаю придумывать красивые сюжеты для своей жизни под музыку. Создается ощущение, что мечты можно достать рукой. Они так близко. Вот-вот – и коснешься их.

Один шаг – и ты в мире, где все желания исполняются по взмаху руки.

Я бы улетела в какой-нибудь маленький город и гуляла

там целыми днями под дождем, наслаждалась свежестью улиц и грезила о теплом, согревающем ладони карамельном латте. Рисовала бы в скетч-буке те уголки города, которые давно не привлекают местных жителей, но радуют меня, странницу. Я бы стала пилигримом.

Спокойствие заполняет меня полностью до того момента, когда чья-то тяжелая рука ложится на плечо. Я вздрагиваю и хочу громко-громко закричать. Однако вместо крика вырывается вялый испуганный «Ох!».

– Выворачивай карманы, – указывает грубый голос за спиной, – шустрее.

Я пытаюсь обернуться, но тело сковывают сильные мужские руки. Он хватает меня за шею и лишает возможности двинуться с места.

– Если закричишь, прикончу на месте. Церемониться не буду.

Легкие сжимаются вместе с моей жалкой душонкой. Страшно. Я едва сдерживаю подступившие слезы.

– На счет три ты бросаешь все, что у тебя есть, на землю. Раз. Два. Три.

Я кидаю на землю айфон, купленный на первые заработанные деньги. Срываю наушники с себя и также бросаю. Мне больно от давления на шею. Я не знаю, как этот мужчина поведет себя дальше.

– Отпустите, – выдавливаю с трудом.

– Только телефон? – Он усиливает хватку, почти пере-

крывая мне воздух.

Киваю, чтобы он понял: я пуста, больше ничего нет.

Он злится и делает мне больнее, выворачивая правую руку к лопатке. Слезы бегут по щекам, и от боли из горла вырывается стон.

– Выворачивай второй карман. Не верю, что у тебя нет денег.

– У меня больше ничего нет, – признаюсь сквозь слезы, чтобы только он отстал.

Невыносимо терпеть боль. Пока он одной рукой складывает к себе в пакет телефон с наушниками, а другой сжимает мою правую кисть, я резко отвожусь локоть назад и попадаю ему в грудь.

– Ах ты!

Я наконец вижу его: высокий мужчина в теле, подонок с темными, горящими в ночи глазами. Отбегаю на пару шагов назад. Он отбрасывает пакет в сторону и снова хватает меня за руку. Тянет на себя. Сжимает запястье. Я скалюсь. Кричу. Неужели никто меня не слышит? Вижу в его руках маленький нож. Слишком поздно. Лезвие проходит по тону, разрезая его, и боль ошпаривает кожу.

– Идиотка, – с отвращением бросает он мне. Одна рука лезет в мой карман, а другая зажимает рот. Я пытаюсь укунить его, но его ладонь кажется непробиваемой. Силы постепенно покидают меня, а живот нестерпимо жжжет.

Я молю о помощи, крича сквозь его тяжелую грязную ла-

донь.

– Заткнись!

Он не находит ничего в кармане и с силой отталкивает меня. Падаю спиной на сырую землю. Хочется разрыдаться на холодной траве, но вместо этого тело парализует шок, а на смену потрясению приходит опустошение.

Чувствую себя грязной куклой, с жизнью которой только что не посчитались.

Голова раскалывается от неудачного приземления. Морщусь и с трудом открываю глаза. Все расплывается. Хватаюсь за макушку, где чувствую сильную пульсацию.

Тело обдает холодом, и я превращаюсь в ледышку. Только сейчас приходит осознание, какая невыносимая боль концентрируется в области живота. Трудно говорить и думать. Клонит в сон, как будто во мне пачка снотворного.

Я не успеваю ничего понять, как слышу рядом крик этого мужчины.

– Я тебя закопаю сейчас на этом месте. Сгниешь под деревом. Думаешь, ты в отчаянии? Вовсе нет. Когда не на что жить – вот отчаяние. Когда гребаное правительство забивает болт, и ты остаешься один на один со своими проблемами – вот где отчаяние.

Он все говорит, а я проваливаюсь куда-то далеко-далеко, и его басистый голос становится тише и тише, пока в какую-то секунду не пропадает совсем.

– Бри? Бридли?

Солнце слепит глаза. Зажмуриваю глаза, но до этого успеваю разглядеть маму. Она в платье и накрашена. Ничего себе!

– Ты неважно выглядишь, – говорит мне мама вместо приветствия.

– И тебе доброе утро, мама.

– Только не говори, что тебе снова...

Мамины зрачки расширяются. Она не хочет слышать подтверждения своей догадки. И я не дам его ей.

Да, мне снова снился кошмар, мама, но ты не узнаешь об этом.

– Нет, на этот раз все хорошо, не беспокойся. А ты для кого так постаралась?

Мама смущается, переводит взгляд на окно, откуда льется солнечный свет, и отвечает:

– В доме теперь гость, приличный парень. Как перед ним в дурном виде ходить? – Она распрямляется, как самка павлина. В ней сегодня сочетается все: и грация, и манеры. И куда папа смотрит? Перед ним такая яркая женщина.

– Мам, я тебя умоляю, – насмешливо вздыхаю, – перед кем выделываться?

– Я как раз за этим и пришла. Оденься нормально, Бри, прежде чем выходить к столу.

– Ты издеваешься, мам? – Ее тон меня поражает. – Ничего я не буду делать. Если и решу одеться красиво, то только для себя, а не для кого-то.

– Упертостью ты в своего отца. Возражения не принимаются, через десять минут увидимся за завтраком.

Мама стремительно направляется к двери, но я все же кричу ей вслед:

– Научись стучаться, пожалуйста. Сколько можно врываться в мою комнату?

Как же надоело это вечное нарушение личных границ. Когда родители уже поймут, что я взрослый человек и мне нужна свобода? Отличное утро!

– Принарядись... – шиплю сквозь зубы, пародируя мать. Да я такое устрою, что еще неделю потом будем смеяться с Абелем. Трестен Райд даже не догадывается, что его ждет в ванной с утра. И главное – это пока только разогрев.

Настроение на нуле из-за сна, после которого сердце тревожно бьется в груди. Этот кошмар меня преследует. И чтобы хоть как-то обуздать страх, я точно должна пойти по своему делу сегодня. Сиера заждалась меня.

Надежда поднять себе настроение спрятана в ванной комнате. Я накидываю на себя толстовку, перед тем как выйти, и беру из шкафа полотенце. Пойду проверю, сработал ли мой план.

В гостиной слышатся голоса мамы и Абея, а отец, видимо, рано утром ушел на работу. Он часто так делает, когда ссорится с кем-то. Игнорирует и делает вид, что обиделся, а все должны просить у него прощения.

– Бридли, спускайся завтракать, – кричит мама в десятый

раз.

Не отвечаю ей и заглядываю в соседнюю комнату. Повезло же мне жить через стенку с нашим новым гостем. Постель не заправлена, но пуста. Трестена нет. Сумка с вещами валяется в стороне, хотя майка и шорты аккуратно лежат на стуле. Наверное, именно их он сегодня наденет.

Внутри зарождается трепет. Раз Трестен не в постели, то, вероятнее всего, уже в ванной. Ну что ж, да начнется шоу! На носочках бегу вниз на первый этаж и, как пуля, пролетаю мимо мамы, которая накрывает на стол. Абель подмечает мою волнительную радость в коридоре, когда я едва не влетаю в него.

– Где Трестен? – хихикая, спрашиваю Абеля.

– Только что в ванную зашел, а что?

Я едва сдерживаю смех и дрожу от предвкушения. Как бездарный клоун, которому дали выйти на сцену на закате карьеры. Хватаю за руку брата и веду к ванной. Закрываю Абеля рот рукой, заставляя молчать, и прижимаюсь ухом к двери. Сосредоточенно прислушиваюсь к звукам. Трестен включает воду.

Я волнуюсь все сильнее. Стопы зудят. Сейчас запрыгаю на месте.

– Что ты творишь? – шипит Абель.

– Увидишь.

Он пялится на меня, полностью обескураженный, но я абсолютно уверена в своих действиях. Трестен пожалеет, что

назвал меня серой мышкой. Я далеко не серая мышка. Я всегда была принцессой. И без всяких крестных фей.

Английский мат оглушает нас с Абелем. Я сдаюсь и начинаю безудержно хохотать.

Ну же, Трестен, выходи! Покажись во всей красе!

– Кто это сделал? – кричит он. – Добро пожаловать в ад, черт возьми!

– Что ты с ним сделала, Бри? – недоумевает Абель, а я бьюсь в истерику, словно в пьяном бреду.

– Потерпи, сейчас выйдет, увидишь.

Я берусь за ручку двери:

– Мышка решила навести порядок в доме и научить новеньких, как нужно вести себя в гостях.

Абель крутит пальцем у виска.

– Иди помоги маме, – бросаю ему тихо, – я должна еще кое-что сказать нашему новому соседу.

– И зачем ты это устроила? – напоследок спрашивает Абель.

Я не отвечаю. Не понимаю его реакции. Обычно Абель всегда поддерживает такие приколы и сам любит кого-нибудь разыграть, а сегодня вдруг встал в позу и строит из себя не пойми кого.

Ручка дергается, и я отпускаю ее, чтобы Трестен мог открыть дверь. Она резко распахивается, и мы оказываемся прямо напротив друг друга. Я заливаюсь смехом от этого зрелища: Трестен с темно-синими ртом, щеками и подбород-

ком стоит в проходе и гневно прожигает меня взглядом.

– Это ты сделала? – Его скулы напрягаются. Вместо того чтобы испугаться, я вытираю слезы от смеха.

О да, я наконец-то опробовала лайфхак из «Тик-Тока» в реальной жизни. Добавила в зубную пасту, которую он поставил вчера вечером на полку, краситель. Результат превзошел все мои ожидания: Трестен оскаливается, и я вижу, что его зубы стали цвета бездонной морской глади.

Я не свожу глаз с Трестена. Мы играем в гляделки, где я точно не собираюсь проигрывать. Он хватает меня за предплечье, но не приближается.

– Думаешь, я буду играть с тобой? – практически рычит он. Его голос после сна низкий и намного грубее.

– Тебе придется играть по правилам того места, где находишься.

– Ты путаешь, мышка. – Он опалает своим дыханием кожу на моей шее. – Я не люблю следовать правилам.

– Мышка? А ты тогда кто? Одинокый волк?

Трестен меняется в лице. Он, как ошпаренный, отпускает мою руку и отходит назад, упираясь в раковину.

– Чем это оттереть?

Он больше не смотрит на меня. Трестен вновь включает воду и отчаянно пытается стереть краситель с лица. В его голосе что-то надламывается, и я чувствую себя неловко. Перегнула палку.

– Зубной пастой, – отвечаю тихо.

– Может, хотя бы выйдешь?

Дверь закрывается беззвучно, но лучше бы она захлопнулась. А ведь только начало июня. Надо погуглить, что там с ретроградным Меркурием. Скорее всего, он уже начался.

Возникает лишь одно желание – выйти на воздух. Быстро переодеваюсь, наношу легкий макияж и, не завтракая, выбегаю из дома. Мама ловит меня на пороге и требует объяснений, но я отмахиваюсь и обещаю рассказать позже.

Я здороваюсь со своим старым приятелем Ниппи, похлопывая его по рулю, и прошу быть аккуратным со мной.

– Ниппи, пожалуйста, не дай мне переломать себе все.

Ставлю ноги на педали и доверяюсь другу. Надеюсь, он не подведет. Родители подарили мне его на двенадцатилетие, и я слишком люблю этого старика, чтобы покупать новый велосипед. Пусть Ниппи уже староват и порой выходит из строя, но он напоминает мне о беззаботном детстве.

– Погнали, приятель.

Набираю скорость и еду навстречу неотъемлемой части моей жизни.

Для всех это библиотека и проект, у которого подходит срок сдачи.

Для меня же – чувство долга, вины, опустошенности. Причина повторяющихся из года в год кошмаров.

Я, как всегда, оставляю Ниппи в углу за кофейней и двигаюсь на станцию. Всего лишь полтора часа – и поезд довезет меня до Барселоны.

В поисках жвачки ныряю в карман, но вместо нее в руки попадает скомканный лист бумаги.

«Медицинский центр Текнон».

Место, в котором я появляюсь едва ли не чаще, чем дома.

Глава 12. Второй шанс?

Трестен Райд

Одинокий волк? А ведь она невольно попала в точку. У меня никого не осталось, кроме мамы, да и то не родной.

Выдавливаю практически полтюбика зубной пасты на щетку и запихиваю ее в рот. Какого черта Бридли вздумала со мной играть? Неужели она настолько ранима, раз из-за одного дурацкого прозвища устроила мне такое веселое утро?

Краска все не стирается, и приходится потратить полчаса на то, чтобы привести лицо в порядок. Мышка хочет войны, что ж, будет ей война.

Отбрасываю в сторону полотенце и делаю несколько вдохов, пытаясь прийти в себя. Я был спокоен, когда приехал. Но Бридли своей выходкой будто подняла во мне ураган. И теперь он бушует, раздирая внутренности острыми осколками гнева.

Желудок воет от голода, и я спешу на кухню к Памелле. Я готов опустошить весь холодильник.

– Мам, где отец? Где он ночевал?

– Как всегда, в «Перекрестке». Тебе ли его не знать? Побесится и вернется. Я планирую сегодня взять Трестена и поехать в ресторан, все ему показать. Там Хуану будет не скрыться от нас. Поговорим как взрослые люди наконец.

Я становлюсь невольным свидетелем личного разговора. Кашляю несколько раз, прежде чем появиться. Не хочу превратиться в главного врага здесь.

– О! А вот и Трестен. Доброе утро! Не знала, что именно ты любишь, поэтому приготовила жареные яйца с беконом и тосты с сыром и ветчиной.

Памелла – лучший человек в этом доме. Сажусь за стол, в то время как Абель награждает меня презрительным взглядом. Вспоминаю нашу с ним ночную беседу и едва сдерживаю усмешку. Он не похож на того, кто может преградить мне путь. Хотя отчаянно хочет таким казаться. От чего он меня предостерегал? Хотел, чтобы я не приближался к его сестре? А знает ли он, что она сама сегодня была в нескольких миллиметрах от меня?

– Я буду яйца с беконом, Памелла. Спасибо.

Абель устремляется к выходу, но Памелла останавливает его на полпути.

– Куда Бридли так быстро убежала? Она даже не позавтракала! Воскресенье, на учебу не надо. – Памелла размахивает вилкой перед собой, выражая недовольство.

– Как и всегда. В библиотеку.

– Когда же закончится этот проект? Невозможно столько времени пропадать за учебниками.

Памелла тяжело вздыхает и возвращается к плите.

– Вам помочь? – спрашиваю ее, ведь она не обязана накрывать мне стол.

– Поможешь мне, если нальешь себе чай или кофе. Я пока не знаю твои предпочтения.

Добродушная улыбка освещает лицо Памеллы. Я подхожу к кухонной столешнице и ищу кружку для кофе.

– Возьми ту синюю с собакой с верхней полки.

– Окей.

– Так что ты обычно пьешь по утрам?

– Крепкий кофе с двумя кусочками сахара.

– Тогда я найду сегодня в магазин и куплю турку. Наконец кто-то в этом доме будет пить что-то крепче какао. Я и сама большой фанат кофе. – Памелла подмигивает мне и ставит на стол тарелку с аппетитным завтраком.

– Если у тебя нет на сегодня планов, давай съездим в «Перекресток», и я расскажу о работе. Нам необходимы дополнительные руки и ноги, туристов все больше и больше в городе. Санта-Мария! Спасибо богу, что этот год обещает быть прибыльным.

Она болтает без умолку, пока я опустошаю кружку кофе и тарелку с вкуснейшей яичницей с жирным хрустящим беконом и заедаю все тостами.

– Да, конечно, Памелла. Можем съездить.

– Замечательно! Машину, правда, забрал Хуан, но есть другая идея. Как насчет велосипеда? Ты умеешь кататься?

Я недоумеваю. Памелла хоть и выглядит как женщина, держащая себя в форме, но ее предложение все равно удивляет. Я бы и не подумал, что в свободное время она разъез-

жает на велосипеде.

– Окей, – отвечаю ей, – надо только вспомнить, как.

– Тогда доедай, и в дорогу. Тут недалеко. Пятнадцать минут, и мы на месте.

* * *

«Перекресток сердец» находится прямо на набережной. Мимо проходят люди в купальниках с надувными матрасами и кругами. Место очень оживленное. Нет сомнений, что посетителей здесь предостаточно и работы все лето будет много! По сравнению с местом, где я работал в Атланте, «Перекресток» не так уныл и даже имеет летнюю веранду.

– Ну что, – Памелла, запыхавшись, отставляет в сторону велосипед, – как тебе поездка? Начинаешь втягиваться в свою новую жизнь?

У меня вырывается смешок.

– Если можно так сказать.

– Оставляем велосипеды здесь. Никто не украдет. Знают, что будут иметь дело со мной. – Она коронно подмигивает второй раз за это утро и жестом приглашает за собой.

Ресторан приличного размера. Помимо летней веранды, внутри полно столиков, которые стоят в шахматном порядке. Здесь довольно уютно. Кожаные диваны, круглые столы, оформление в красно-зеленых тонах. Ярko, броско и живо.

Мы проходим чуть дальше, и в глаза бросается большой

светофор посреди зала. Интересно, кто придумал установить светофор прямо по центру. На нем горит зеленый свет, и я догадываюсь: он, вероятно, означает загруженность ресторана. Хороший ход.

– Заинтересовал наш светофор? – Памелла быстро оказывается рядом. – Это была идея Хуана. Показывает, как много гостей в ресторане. Красный – мест нет, оранжевый – много, но еще можно найти свободный столик. Зеленый – свободно.

– Почему именно «Перекресток сердец»?

– Когда я и Хуан встретились, в нас кипела страсть. Мы так полюбили друг друга, что решили назвать ресторан в честь этой судьбоносной встречи. Я уехала из Америки за ним. Бросила все, чтобы быть с этим мужчиной. Получается, наши сердца встретились на перекрестке двух культур: испанской и американской. – Она пожимает плечами. – Тогда это казалось до безумия романтичным.

Я внимательно ее слушаю. Памелла продолжает идти в глубь ресторана.

– Сегодня будем знакомить тебя с кухней. Вскоре я могу оставить «Перекресток», поэтому ты должен успеть научиться всему, пока я тут.

– Вы уезжаете? – потираю переносицу в изумлении.

– Подаю на развод.

Памелла произносит это недостаточно уверенно, чтобы я поверил в ее слова. Кажется, она все еще не готова расстаться с мужем. Это ясно даже мне – человеку, который не знает,

что такое любовь.

– Об этом потом, Трестен. Пока что проходи, адаптируйся.

– Сколько официантов работает в смену?

– Сейчас с этим сложно. У нас была помощница, Синтия. Она работала официанткой и стояла за кассой, но из-за семейных обстоятельств временно не работает.

– Значит, теперь никого нет?

– Не совсем так. Мы с Хуаном подменяем друг друга. Несколько дней работает он, несколько – я. Однако в сезон так работать невозможно, нам нужны дополнительные руки. Поэтому ты – наше спасение этим летом. – Памелла хлопает меня по плечу. – Не переживай ни о чем. Я помогу.

– Я в порядке. – Я перевожу взгляд на молоденькую блондинку, стоящую за барной стойкой и отчаянно пытающуюся открыть бутылку игристого. – Вы говорили, кроме вас никто не работает.

– Это Лусия. Наша соседка. Мы с ее мамой хорошо общаемся. Она попросила меня взять Лусию на несколько недель на работу. Я дала ей две недели испытательного срока. Сегодня ее второй день.

Я понимаю, что она новенькая в этом деле, по тому, как она уже пять минут на наших глазах безуспешно пытается открыть бутылку.

– Она не поступила в университет, – шепчет Памелла мне на ухо, – завалила экзамены. Пришлось помочь с работой,

всякое ведь бывает в жизни. – В голове не укладывается, как быстро струится речь Памеллы. Она, кажется, и правда сучала по английскому. Уши горят от потока ее речи.

– Понял.

Я опережаю Памеллу и прохожу к барной стойке, оглядывая блондинку.

– Нужна помощь? – обращаюсь к девушке на испанском.

Она поднимает карие глаза и испуганно вздрагивает.

– Не помешала бы.

Она передает мне бутылку, и за пару секунд я открываю ее.

– Спасибо, – она искренне улыбается, – мне не хватило сил.

– Спасибо, Трестен. Видишь, как ты вписываешься в наш «Перекресток». – Памелла не забывает вставить свое слово.

– Не за что, – отвечаю Лусии также на испанском, – обращайся.

– Теперь, Трестен, пройдем на самую кухню.

Памелла не дает нам узнать поближе друг друга, и я следую за ней, обещая Лусии познакомиться позже.

За плитой стоит Хуан Ривьера собственной персоной. Засыпает картофель во фритюр и затем вытирает руки о свою красную униформу. Увидев нас, он важно расправляет плечи и безмолвно здоровается с Памеллой: одним кивком. Его строгий и сдержанный взгляд проходится и по мне. Хуан хочет заговорить, но из-за своей гордыни не делает первый

шаг. Вчера вся семейка была на моей стороне, и сейчас он будто прокручивает в голове каждую деталь вечера, каждую ухмылку, каждое слово. Счет не в мою пользу, однако я приехал сюда не для того, чтобы с кем-то враждовать. Если Хуан сам не идет на разговор, то пойду я. Мне нужно как-то выживать здесь, а значит, сближаться со всеми. Они смогут подсказать, как ориентироваться в городе.

– Добрый день, – подхожу к нему ближе, собираясь начать беседу, – не против, если мы с вами поговорим?

Хуан бросает взгляд на Памеллу, та, в свою очередь, дважды одобряюще кивает, призывая мужа согласиться. Она занимается картофелем, а Хуан отходит ко мне.

– Добрый, – Хуан прочищает горло кашлем и потом продолжает, – ну что ж, раз хотите поговорить, не буду сопротивляться.

– Меня зовут Трестен, если вдруг вы вчера не расслышали. И я собираюсь провести эти три месяца за работой в вашем ресторане. Меня не волнует ничего, кроме работы. Вы дали мне комнату, и я благодарен вам. Если покажете, что я должен делать, будет прекрасно.

Хуан, сложив руки у груди, без эмоций внимает мне. Я жду, когда что-то, кроме капелек пота, промелькнет на его лице, но тщетно.

– Нравлюсь я вам или нет, мне абсолютно все равно. Я ваш новый работник. И чтобы я выполнял работу без нареканий, в ваших же интересах мне все рассказать.

Я никуда отсюда не уеду, он должен это понимать. Чего бы мне ни стоило, я добьюсь своих целей.

— Самоуверенный, — хмыкает он, — я все покажу, но сперва должен убедиться, что ты не будешь лезть куда не следует. Не суй свой нос в нашу семью, понял? Не смешивай дом и работу.

— Для меня есть только работа. Я повторяю, мне безразлично происходящее в вашей семье. Я не являюсь и не буду являться ее частью.

— Верно. Запоминай сразу. Второго раза не будет. Так же, как и шанса. У тебя только одна попытка на то, чтобы завоевать мое доверие.

Крепкая ладонь Хуана сжимает мою, и я даже не успеваю сообразить, как он смело делает шаг мне навстречу.

— Я понял.

Второго шанса нет нигде. Раз даже в этой новой жизни у меня ничего не изменилось.

Глава 13. Рана совести

Бридли Ривьера

Уже по привычке показываю пропуск охране, надеваю плотную голубую маску и прохожу на территорию «Текнона». Мои появления здесь так часты, что запах стал уже до боли знакомым.

Воздух в «Текноне» пропитан противоречиями. Бутоны цветов, распускающиеся каждую весну в саду, и доносящиеся из окон стоны тех, кто здесь увядает. Все такое живое и такое мертвое одновременно. От контраста, с которым сталкиваешься, когдаходишь сюда с улицы, становится тяжело дышать. Из цветущей жизни попадаешь в мир, где все только и ожидают свою кончину.

Поначалу это было невыносимо: порой настолько, что, приходя домой, я подолгу не могла заставить себя поесть и часами смотрела в одну точку. Тишина становилась моим другом, а закрытая на ключ дверь – стражем. Я нуждалась в молчании.

– Бридли, – слабый голос Сиеры заставляет обернуться, – ты сегодня совсем рано.

Ее серо-голубые глаза выделяются на фоне фарфоровой кожи. Сиера, облаченная в длинный цветастый сарафан, стоит посреди коридора, свесив руки по бокам.

– Ты знаешь, что не обязана приходить, но все равно приходишь.

– Перестаньте, – приближаюсь к Сиере, внимательно оценивая ее состояние, – мне не в тягость.

– Бридли, – она устало качает головой, – ты не пропускаешь ни одной недели. Думаю, если и пропустишь, то только потому, что больше не к кому будет приходить.

Слова Сиеры отдаются в сердце болью.

– Мне предложили поработать здесь, Сиера. – Я едва сдерживаюсь, чтобы не показать слабость. – Все сложилось так, чтобы я осталась тут подольше.

– Все сложилось... – повторяет она мои слова, уставившись в пол.

– Давайте не будем говорить о прошлом, – решаю сменить тему, – взглянем на настоящее. На днях мне удалось встретиться с вашей дочкой. И вот что она передала.

Я достаю из рюкзака рисунок Анны и передаю Сиере. Она тут же словно оживает, забирая из моих рук работу дочки: глаза загораются, даже руки дрожат в нетерпении.

– О, Бридли, я не ожидала увидеть от нее сюрприз так скоро! – восклицает она, смахивая пальцами слезы с щек.

Она прижимает рисунок к груди и, сама того не замечая, оставляет на бумаге влажные следы.

– Анна очень старалась и просила передать, что рисовала его ручкой с сердечками, чтобы вложить в рисунок свою любовь к вам.

Кусаю губы, чувствую дрожь во всем теле. Чтобы Сиера не заметила моего волнения, делаю пару шагов назад и начинаю копошиться в рюкзаке.

– Где ты сегодня будешь работать? – спрашивает Сиера.

– В саду. Роза сказала, что нужно полить цветы.

– Раз Роза сказала, – она разводит руками, – тогда нужно.

Роза обычно отправляет мне сообщения перед каждым воскресеньем, чтобы я знала, чем займусь, когда приду. Она говорит, моя помощь на вес золота. Волонтеры сюда особенно не заглядывают, а ей одной справляться тяжело. И хоть Роза и строит из себя напыщенную хозяйку, все же ценит меня. Она позволяет приходить к Сиере и заботиться о ней взамен на дополнительную работу в центре: будь то садовничество, уборка помещений или сервировка в столовой.

– Погода прелестная, Сиера. Вам стоит выйти на прогулку.

– Да, ты права. Пожалуй, схожу за шляпой и приду к тебе в сад.

Сиера отшатывается в сторону, и я подбегаю, чтобы взять ее за локоть. Она только отмахивается.

– Не надо.

«Простите, Сиера. Простите за все».

Ей хуже. И ничего уже не исправить.

Половицы в квартире Амадиса скрипят так громко, что это больно слышать. Серые обои с рисунком под мрамор, ободранные в нескольких местах, заставляют поморщиться. Я не люблю находиться у Амадиса. Его квартира пахнет дешевыми сигаретами. На полу кое-где валяется пепел. Я предлагаю Амадису помочь с уборкой, но он отказывается. Его мама совсем не занимается домом. Когда бы я ни приходила, здесь всегда грязно: мусор не выброшен, полы немытые, а окурки навалены горкой на кухонном столе.

Мама Амадиса – довольно закрытая женщина. Я видела ее лишь единожды, и то случайно. Мы столкнулись на пороге, когда Амадис пригласил меня в гости. Он надеялся, что мама вернется позже, и ее появление стало для нас сюрпризом.

Знакомство было неловким и каким-то несуразным. Элла оглядела меня с ног до головы, поздоровалась и буркнула что-то себе под нос. Амадис сразу понял, что нам обоим некомфортно, поэтому увел меня на улицу, пока его мама разувалась. Элла ни о чем меня не спросила, и я тоже не стала навязываться.

Сам Амадис о маме никогда не говорит. Я как-то решила спросить про его отца, но ответом мне стал лишь полный злости взгляд. Единственное, что удалось узнать, – родители в разводе, а у отца новая семья. Зная, какую боль может при-

чинять тема расставания близких, я перестала спрашивать о родителях.

– Пойдем в комнату?

Амадис берет меня за руку и ведет к себе. Его комната – одно из самых чистых мест в доме. Амадис – перфекционист. Кровать застелена, на полках ни пылинки, полы блестят.

– Почему ты не разрешаешь мне прибраться там? – ука-
зываю на остальные комнаты.

– Если матери нравится жить в свинарнике, пусть живет.

– Но ты тоже тут живешь.

– Я не буду убирать за ней.

– Гордыня не позволяет?

– Желания нет.

Амадис закрывает на два оборота замок двери в свою комнату. И хоть его мама до позднего вечера на работе, он все равно одержим мыслью, что она может к нему ворваться.

– Боишься, что меня украдут? – игриво шучу я.

Амадис дергает желваками и выпрямляет спину. Он облизывает губы и пожирает меня взглядом. Темные-темные глаза будто прожигают во мне дыры.

– За сокровищами нужен особый уход.

Ладони Амадиса ложатся мне на бедра, он поднимает меня на руки и несет к кровати. Я обвиваю его ногами и кладу голову на плечо: терпкий аромат одеколона, исходящий от толстовки, ударяет в нос. Одна из его причуд: он любит ду-

шить вещи, в которых ходит.

– Чему ты так радуешься?

Замечаю, что его шея и лицо загорели. Амадис целыми днями играет на поле с командой. Его кожа стала гораздо темнее, а каштановые волосы выгорели на солнце и теперь походят на соломинки.

– Тому, что я забрал свою малышку, и у нас впереди весь вечер.

Амадис встретил меня на вокзале на своей синей «Тойоте» и не дал промокнуть под дождем. Погода испортилась, как только я села в электричку, поэтому возвращаться домой пришлось под грустную музыку в наушниках, оперевшись щекой о холодное стекло окна в поезде. Капли, одна за другой, скатывались по нему, и на сердце опускалась тоска. Я, прикрыв глаза, вспоминала, как хорошо было на катке. Как я любила раскатываться, прыгать, работать в хореографическом зале. Как любила мурашки, которые появлялись, когда правая нога (да, любимые суеверия фигуристов) ступала коньком на только что залитый машиной лед.

Но этого уже не вернуть. И я вынуждена учиться там, куда бы ни за что не поступила, если бы не требования родителей и их возложенные на мои плечи надежды.

– О чем задумалась? – Амадис утыкается носом в мою шею.

Его холодные мозолистые руки пробираются под майку и щекочут кожу. Они достигают живота, а затем поднимаются

выше, доходя до талии.

– Забудь обо всем плохом.

Он убирает ладонью мои волосы в сторону и прикасается губами к ключицам. Я вздрагиваю.

– Мы идеально друг другу подходим. Во всем, – шепчет Амадис.

Он усаживает меня к себе на колени. Я хочу забыться, но вместо этого ощущаю резкий приступ боли в висках.

– Скажи, как сильно ты меня любишь, Бри.

Он останавливается, испепеляя взглядом, и ждет ответа, который ему польстит. Амадис не может жить без похвалы, его раздутое эго жаждет комплиментов и внимания.

Но я не отвечаю, только прикрываю глаза. И ему это не нравится. Он одним движением переворачивает нас так, что его тело нависает надо мной.

– Иногда мне кажется, что я одержим тобой.

– Одержимость – страшная вещь, – тяжело выдыхаю я, когда он сжимает кулаки, но продолжаю. – Можно заживо сгореть от одержимости к человеку, если он не одержим тобой так же сильно.

Молчание Амадиса заставляет меня не на шутку испугаться. Неужели он нашел скрытый смысл в этой фразе? Колеблюсь пару секунд, а потом решаю взять все в свои руки, пока у него не началась паническая атака.

Амадис смягчается, когда чувствует прикосновение к себе. Он тянется к моей шее и оставляет на коже влажный по-

целуй.

– Как хорошо, что это не про нас. Мы два безумца, любящих друг друга до сумасшествия.

Не про нас. У нас ведь все взаимно, так?

– Да, – слабо шепчу я в ответ.

– Сегодня ты вернулась из библиотеки слишком загруженной. Может, исправим это?

Он целует меня в губы, не давая произнести ни слова. Однако я собираю все силы и легонько отталкиваю его, вспомнив кое-что очень важное. Он недовольно хмурится.

– Амадис, я совершенно забыла, что у меня встреча с Ребеккой в «Перекрестке». Мы договорились на шесть.

– Шесть? – переспрашивает он, поглядывая на часы. – Проклятье!

Амадис поднимается и взъерошивает волосы. Я поправляю одежду и роюсь в кармане в поисках мобильного, чтобы избежать неловкости.

– Никак перенести эту встречу?

– Мы давно договорились, – отвечаю ему.

– Ладно, – он ругается себе под нос, идя к двери, – я сейчас вернусь.

Комната такая просторная без него. Когда Амадис выходит, солнце вдруг пробивается сквозь облака и лучи освещают пространство. Я люблюсь небом, стоя у окна, и стараюсь унять тревогу в душе.

– Я купил тебе ящик персиков, – кричит Амадис, – думаю,

это лучшая новость за сегодня?

Ящик персиков? А вот это уже греет душу! Все, с кем я знакома, знают о моей персиковой зависимости. Если я не съем персик, значит, день прошел зря. Как они пахнут! Какие сочные и сладкие!

– Да ладно! Целый ящик?

– Я – лучший парень в мире, да?

Он не упускает возможности получить комплимент. На самом деле дома персики закончились еще вчера, и я думала вечером забрать несколько из «Перекрестка», но, похоже, уже не нужно.

– Вот и я. – Амадис возвращается с тарелкой в руках. – Персики для принцессы.

– Спасибо! – целую его в щеку и хватаю персик. – Ты их даже помыл!

– Ты не ешь немывтое. Конечно, я помыл.

Откусываю персик. Губы растягиваются в улыбке от удовольствия.

– Сколько сейчас? Успеваю?

Надеюсь, что не опаздываю на встречу с подругой.

– Доешь и поедем, – вдруг заявляет Амадис.

– Поедем? – Кажется, я понимаю, к чему он клонит. – Думаю, тебе не стоит сидеть с нами за девчачьими разговорами.

Я морщу нос и отставляю тарелку подальше от себя. Ненавижу, когда он так делает – лишает личного пространства.

– Я не буду слушать. Просто подожду, а потом отвезу тебя

домой.

– Я не драгоценный алмаз, чтобы так заботиться о моей сохранности и довозить до дома, Амадис. – Я выдыхаю. – Пожалуйста, прислушайся ко мне. Мы же уже говорили на эту тему.

– Мне просто хочется больше быть с тобой рядом. Тем более... – он меняется в лице, – кое-что недавно произошло.

– Снова?

Резкие покалывания в боку рассыпаются по всему телу, как мелкие иголки. Эта новость рождает в голове миллионы теорий, что могло случиться. Я беру его ладони в свои и будто жду приговора.

– Снова.

Мир уходит из-под ног. Только не это... Глубоко вдыхаю, а затем на выдохе сосредотачиваюсь на глазах Амадиса.

– Рассказывай.

Глава 14. И так красивая

Трестен Райд

Я ставлю мешок с картофелем в подсобку и, вытирая грязные руки о фартук, исподлобья смотрю на Хуана. Он выглядит удовлетворенным моей работой. Я перетаскал уже шесть мешков с улицы в подсобку. С меня стекает пот, и футболку можно выжимать как половую тряпку.

– Отличная работа, Трестен. А в тебе больше силенок, чем я думал.

Хуан протягивает руку, и я отвечаю рукопожатием. Усмехаюсь и отхожу, вытирая краем футболки свое лицо.

– Можешь пойти умыться, – показывает он рукой направо. – Там у нас ванная комната.

– Спасибо, было бы здорово освежиться.

– Иди, а потом я расскажу тебе о работе в зале и за кассой.

Я киваю и прохожу мимо Хуана. Сегодняшний день потрачен на адаптацию к работе. И меня это нисколько не беспокоит. Большие планы есть на завтра: окончательно разберусь с вещами и начну поиски дома матери – в письме она оставила свой адрес.

Следую по коридору, ведущему к ванной комнате, размышляя, как было бы круто купить холодного пива и выпить его на берегу вечером. Захватить пачку чипсов с паприкой

и беконом и посмотреть футбол, сидя на теплом песке. Но не успеваю повернуть за угол, как кто-то налетает на меня и носом утыкается в грудь.

– Эй! – следует резкий негодующий крик.

Я опускаю голову и вижу макушку с белокурыми волосами, доходящими до плеч. И, когда девушка наконец выпрямляет спину, я узнаю ее. Лусия, с которой нам сегодня так и не удалось познакомиться.

– Извини, – она произносит это высоким голосом, – я тебя не заметила.

– Твой нос знатно врезался мне в грудь, – смеюсь я.

– Да, он у меня такой, острый, – Лусия хихикает, поглаживая нос, – но я люблю его. И в горбинке есть свой шарм. Ты не думай, меня этим не обидеть. Я привыкла.

Недоумеваю, поднимаю бровь. Я не мог и подумать, что она комплексует. Абсолютно нормальный нос, я и не заметил горбинки, пока она не сказала. И в мыслях не было намекнуть ей на ее изюминку.

– Я не имел в виду ничего такого, – потирая руки, говорю ей.

На Лусии маленький обтягивающий белый топ, по цвету сливающийся с ее волосами. Пусть вырез и скромный, но длина топа явно неприемлемая для работы. Это определенно не понравится Памелле. Хмыкаю и спрашиваю:

– По каким дням ты работаешь?

Она хлопает глазами, а затем обводит меня внимательным

взглядом.

– Я тут с понедельника по среду. Работаю из-за матери. – Лусия прерывается и моргает левым глазом три раза.

Я понимаю, что это нервный тик, и делаю вид, что не обращаю на него внимания. После секунды неловкости Лусия продолжает:

– Я должна как-то оправдать надежды и принести домой немного бумажек.

– Родители давят?

– Не особенно. Скорее я чувствую вину, что не поступила в универ и подвела их. Доктора в семье теперь не видать, а они очень хотели.

Она пожимает плечами, и я чувствую, как губы горят от ее напористого взгляда. Кажется, теперь объектом ее внимания точно будут не барная стойка и касса.

– Трестен! – От баса Хуана я вздрагиваю. – Ты еще не дошел до ванной? Должен был уже вернуться.

– Сейчас вернусь, – кричу ему в ответ.

Делаю шаг вперед к Лусии, и она с улыбкой отходит в сторону, чтобы пропустить меня.

– Поговорим позже, – бросаю ей перед тем, как уйти.

Ее глаз вновь дергается, и я кивком даю понять, что еще вернусь.

Зайдя в уборную, сразу включаю воду. Сложно назвать это ванной: посреди небольшого помещения стоит умывальник, справа стиральная машина и чуть в стороне душевая кабина.

Заходить в кабину точно не буду, потому что нет сменной одежды. А надевать несвежую после душа я терпеть не могу. Что может быть хуже, чем надетая на чистое тело поношенная одежда? Снимаю майку и кладу ее на стиральную машинку. Обливаю лицо водой, брызгаю на шею, чтобы хоть как-то освежиться. Холодная вода стекает вниз на торс и немного снижает жар. Соленый пот сходит с тела – я выдыхаю с облегчением. Ненавижу быть грязным. У себя в Штатах я принимал душ дважды в день.

Беру наконец бумажные полотенца, чтобы вытереться. Почти отрываю лист, как позади распаивается дверь. Я смотрю в отражение в зеркале и вижу в нем шокированное лицо Мышки. Видимо, бегала по своим норкам и добралась до «Перекрестка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.